

Всеволод Кузнецов, Любовь Нерушева

СОЛОВЬЕВЦЫ: А. БЛОК – РЫЦАРЬ НЕЗНАКОМКИ.

СТАТЬЯ I. СОТВОРЕНИЕ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ¹

В данной статье мы продолжаем рассматривать творчество духовных наследников Вл. Соловьева. Второй великий соловьевец, о котором здесь пойдет речь, – А. Блок. Впрочем, соловьевец ли? М. А. Бекетова отмечает: «С поэзией Вл. Соловьева Александр Александрович познакомился не ранее 1900 года, т. е., стало быть, на втором курсе. К этому времени уже была написана часть стихов о Прекрасной Даме. Таким образом, влияние Соловьева на Блока приходится считать несколько преувеличенным: он только помог ему осознать мистическую суть, которой были проникнуты его переживания. И это было не внушение, а скорее радостная встреча близких по духу» [Бекетова, 1990: с. 52–53].

О том же рассказывает и сам Блок в «Автобиографии»: «Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки так называемой “новой поэзии” я не знал до первых курсов университета. Здесь, в связи с острыми мистическими и романтическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева. До сих пор мистика, которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века, была мне непонятна; меня тревожили знаки, которые я видел в природе, но все это я считал “субъективным” и бережно оберегал от всех» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 13]. Заметим, что речь идет исключительно о поэзии Соловьева. Соловьёвскую философию Блок плохо понимал и мало ею интересовался.

И тем не менее, М. А. Бекетова говорит о духовной близости Соловьева и Блока. Современные же исследователи часто настаивают на их духовном родстве. Вот, например: «Интуиция В. Соловьева о всеединстве мира, воплотившаяся в учение о Софии Премудрости Божией, а главное – в поэтическом творчестве, которое выросло из первоначального личного мистического опыта, – все это завораживало Блока. Софийная окрыленность Соловьева, пробужденная романтическими эпизодами “трех свиданий”, воспринималась как доминирующее поэтическое ощущение, разомкнутое в вечность и подчиненное закону “вечного возвращения”. Блок это знал, он обнаружил в себе разительное сходство с В. Соловьёвым в мистическом

© В. Кузнецов, Л. Нерушева, 2012

¹ Эта публикация является продолжением цикла наших статей об идейном наследии Владимира Соловьева в мысли и творчестве представителей русского «Серебряного века» (см. Соловьёвцы: виртуальная любовь по Андрею Белому // *Sententiae* XXIII. – 2010. – № 2. – С. 92–133).

опыте и поэтических идеалах. Стихи о Прекрасной Даме стали залогом поэтического родства и сыновства» [Ёлшина, 2010: с. 24].

Итак, *близость, родство* или даже *сыновство*. При этом связь между Блоком и Соловьевым – в первую очередь *поэтическая* связь. Но ведь Соловьева-то мы знаем и помним прежде всего именно как философа.

Блок же философом не был и имел совершенно не философский склад ума. Правда, это не мешает современным исследователям включать статьи о поэте в философские словари и энциклопедии [см., напр., Русская философия, 2007: с. 55–56]. А Л. А. Сугай совершенно справедливо упоминает о философских настроениях, временами находивших на поэта [там же, с. 55]. Конечно, подобные настроения серьезных последствий не имели. Зато поэзия Блока насквозь *философична*, следовательно, составители энциклопедий в чем-то правы. Хотя Соловьева с Блоком такая правота не слишком сближает.

Не был Блок и человеком, целеустремленно подвизающимся на ниве какого-либо определенного мистического учения (в том числе и соловьевского), хотя интуитивные мистические прозрения посещали его достаточно регулярно. Поэт даже поговаривал о некоей мистической философии своего духа [там же].

Очень любопытна беседа Блока с Вл. Пястом, в которой собеседники как раз и обсуждали многие аспекты своего паранормального восприятия реальности. Разговор этот производит странное и загадочное впечатление.

Вот о взаимоотношениях Блока с другими людьми:

«Я (Вл. Пяст. – Авт.): – <...> Во всяком случае, когда и хочешь и можешь сказать, говоришь всегда не то, что думаешь.

Блок: – О да, да!.. И часто это оттого, что собеседник ваш не существует.

– ?

– Да, я теперь, за последнее время, достоверно узнал про некоторых, что они не существуют. Но про немногих.

<...> Блок: – <...> Я же – от пустоты своей: как катящийся нуль, я не задеваю того, кто “не существует”, и он меня никак не касается. Я знаю это про немногих, и почти исключительно про тех, которые на поверхностный взгляд особенно полны. Вот, например, про -ского (речь идет не о Мережковском. – В. П.), про которого я недавно писал в “Новом пути”. Я думал, что он для меня много значит. А вдруг достоверно узнал, что не существует.

– А про меня что вы можете сказать?

– Про вас наверно могу сказать, что вы существуете для меня. Впрочем, это познается внезапно. Вот мы будем когда-нибудь сидеть, говорить, и вдруг оба почувствуем друг друга, откуда тот... И тогда будет хорошо, а может быть, плохо... Откуда вы и я, кто вы, какого вы духа, кому служите – все вдруг узнается» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 367– 368].

Вот – о себе:

«Я: – Но, знаете, я-то не убежден, существую ли я. За последнее время мне иногда кажется, что я – как верхняя кожица, самая верхняя, ложусь на многое, и это многое представляю и покрываю собой. Но это многое – не я. Я – только кожица.

Блок: – Это как бы скромность по отношению к себе в своих мыслях. И у меня это бывает. Пустота моя очень ощущается мною, – например, на этих днях» [там же, с. 368].

Вот – о сверхчувственных восприятиях:

«Блок: – <...> Вот: ведь у вас бывали экстазы?

– Экстазы?.. На это очень трудно ответить. Дайте мне какое-нибудь определение... (Блок промолчал, я продолжал.) Если брать самое общее: выхождение из чувственного мира, – тогда, наверное, да.

Блок: – Но мне кажется, в них еще что-то всегда есть, кроме выхождения. В конце должно быть слияние с миром. Как в стихах Владимира Соловьева. У меня вначале была тоска, а потом радость. Рождается из тоски, а кончается просветлением.

Я: – То, что вы говорили о людях, то я во время экстаза испытываю по отношению ко всему миру в целом. Несуществование мира. Но тоска не разрешается. Впрочем, не тоска, а леденящее безумие мира. Конечно, это нельзя высказать.

Блок: – А знаете, мне кажется, у меня именно тоже бывает. По некоторым признакам» [там же].

Итак, мы имеем дело с весьма стандартным описанием мистического опыта: ужасающее переживание неподлинности эмпирического мира, способное погрузить в тоску и безумие, прорыв к чему-то, что стоит за неподлинной реальностью, радость от слияния с обретенным. Далее, если верить письму к Л. Д. Менделеевой от 22 февраля 1903 года (об этом письме мы еще поговорим), следует принятие жизни, принятие мира, ибо мир и жизнь пережиты в истине, в истине достигнуто единство с миром и жизнью – всеединство.

Все это весьма напоминает чаньское просветление. Вот как описывает чаньский мистический опыт Н. В. Абаев: «<...> Перед своим внезапным прорывом к “просветлению”, которое означало переход на качественно новый психический уровень, чаньский адепт должен был пережить символическую смерть, когда хаотические душевные состояния, вызванные “великим сомнением” (да-и), достигали своего апогея. За “великой смертью” (да-сы) следовало “великое пробуждение” (да-цзюэ), т. е. возвращение к новой жизни, которое вполне закономерно знаменовалось “великой радостью” (да-лэ), а радость совершенно естественно выражалась смехом. <...> Такая структура была общей для всего процесса переосознания адептом себя и окружающего мира в чаньской практике психотренинга, о чем свидетельствует популярное чаньское изречение, авторство которого приписывается Цин-юаню (умер в 740 г.): “Когда я еще не начал изучать чань, горы были горами, а реки – реками; когда я начал изучать чань, горы перестали быть горами, а реки – реками; когда я постиг чань, горы снова стали горами, а реки – реками” <...> Второй этап в этом изречении соответствует “великому сомнению” <...> когда чаньский учитель-наставник <...> разрушает исходные психические структуры ученика, ввергая его психику в крайне хаотическое состояние, в результате чего как бы рушится весь привычный для него порядок вещей и “горы перестают быть горами, а реки – реками”. Но в то же время наставник пытается перестроить его обыденные психические структуры на качественно иной основе, вызывая у него прорыв к просветлению и возрождению к новой жизни, когда адепт переходит на новый психический уровень и восстанавливается его способность <...> воспринимать мир “таким, какой он есть на самом деле”, без концептуализации и дуализации явлений окружающей действительности, т. е. воспринимать “горы как горы, а реки – как реки” совершенно непосредственно и адекватно, не опосредуя процесс восприятия вербальными и понятийными структурами» [Абаев, 1983: с. 67].

В случае с Блоком и Пястом перестройка психики происходит мгновенно и спонтанно, без участия какого-либо наставника. Однако и тут результат просветления не

поддается вербализации. По крайней мере, о нем нельзя адекватно говорить, оставаясь человеком и используя обычные человеческие понятия:

«<...> Я продолжал описывать приблизительными словами экстатические состояния, при которых мировой процесс кажется “феерическим”. “Не знаю, поймете ли вы, – сказал я Блоку, – но другого слова не подыскать...”

Блок: – Чтобы говорить настоящими словами, иногда мне кажется – надо преобразиться. Но то, что вы говорите, мне кажется, я могу понять. Могу понять вас и знаю, почему вам так кажется...» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 368].

Что же обнаруживает Блок за нереальностью эмпирического? В рассматриваемом диалоге есть и об этом:

«Я: – Знаете, я думаю, что я совершенно по-своему понимаю и ваши стихи. Вашу “Прекрасную Даму”. Ведь в ней я вижу вот что: тайну. И мне кажется, что когда вы пытаетесь ее выразить, охватить осязательнее, – вам это не удастся. Но в этом-то все и дело. Тут не любовь главное, как я понимаю, а именно это леденящее, неохватимое. Выхождение...

Блок: – Ну, конечно же, так. “Прекрасная Дама” – это только название, термин; к тому же данный Валерием Брюсовым.

Я: – Ну, я так и думал. Но все же я ничего не знаю. Не знаю, чувствуете ли вы, что она – то, о чем я вам говорю. Не действует ли на меня так только красота ваших стихов?

Блок: – Ну да, именно это, то есть то, что вы говорили – “Прекрасная Дама”. А что – невозможно выразить.

(Пауза – недолгая, но внятная.)

– А Христа я никогда не знал.

Это было сказано совершенно неожиданно, без всякого приготовления: о Христе во всем предыдущем разговоре не было произнесено ни слова. И когда я, не удивившись совершенно такому переходу, признался со своей стороны, что тоже не ощущал Христа, – “только разве один раз, и то – поверхностно, в один благоуханный летний вечер, на поляне у входов к “горе Пик””, – Блок продолжал:

– Ну, и я, может быть, только раз. И тоже, кажется, очень поверхностно. Чуть-чуть... Ни Христа, ни Антихриста.

«<...> Незнание Блоком Христа, ни в его божественном, ни в человеческом образе, продолжалось и через двенадцать лет, когда он писал свои “Двенадцать”, и Христос, по его признанию, вошел в поэму помимо его сознания и воли, и не в том образе, про который язычник Пилат сказал бы: “Ессе Номо”» [там же, с. 370–371].

Такое отношение к Христу легко понять. Женственное начало переживается по-этому как непостижимая и невыразимая основа мира. Христианским представлениям здесь нет места. Однако поэт все же пытается их как-то переосмыслить. О Христе Блок пишет в дневнике: «Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 330]. Т. е. и Христа поэт воспринимает как носителя женственного начала, но это – не та Женственность, которую он стремится постичь и выразить в своем творчестве. Правда, Блок постоянно говорит о взаимоотношениях Вечной Женственности с Богом. Вот только какого Бога он подразумевает?

Мир в произведениях Блока часто предстает полностью обезбоженным. Ярким примером этого является поэма «Двенадцать». Поэт настойчиво подчеркивает, что герои идут «без креста» [Блок, 1971: т. 3, с. 235, 236], «без имени святого» [там же,

с. 242]. Обезбоженность «Двенадцати» подметил и Л. К. Долгополов: «*Без имени святого* – вот что тут основное. Выйдя из старого мира, пройдя через стихию страсти и убийство, герои остаются без бога <...>» [Долгополов, 1980: с. 198].

Блок, однако, пытается вернуть Бога лишенному Его миру. И герои поэмы просят Господа благословить революцию:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!

Более того, Блок вроде бы уверен, что Христос уже с красногвардейцами. Но тут же выясняется: такое положение дел поэта отнюдь не удовлетворяет. Революция (та, которая происходит, а не та, которая грезилась интеллигенции) не совмещается, по мнению Блока, ни с Христом, ни с выродившейся христианской религией. Нужен Другой. «Другой» на символистском жаргоне – Сатана.

Поэт пишет: «Религия – грязь (попы и пр.). Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой»; «Что Христос идет перед ними – несомненно. Дело не в том, “достойны ли они его”, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого – ?» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 326; Блок, 1965: с. 388–389]. Вопросительный знак в конце последнего предложения многозначителен до чрезвычайности. Для поэта все в мире перепуталось. Христос управляет демоническими *лиловыми мирами* революции, подменяя собой дьявола. И автору «Двенадцати» уже непонятно, остается ли за дьяволом хоть какая-то экологическая ниша. Может быть, он теперь полностью не у дел? И это, похоже, поэта печалит. Правда, зачем вечноженственному Блоку дьявол, тоже неясно...

Приведенные рассуждения – за рамками поэмы. А в тексте обезбоженность преодолеть не удастся. Поэт даже усиливает ее. Конфликт красногвардейцев с Христом здесь совершенно очевиден. Христос хочет возглавить их, сделать новыми апостолами, но они стреляют в Него. Иначе говоря, Христос идет с красногвардейцами, но не они с Ним.

Г. Флоровский характеризует мировоззрение Блока так: «В опыте Блока всего удивительнее его *безрелигиозность*. *Мистика* Блока отнюдь не религиозна, в ней не достает веры, она вся *безбожественна*... Богословские взгляды Соловьева Блока не интересовали, хотя его книги он и читал. Исторической реальности Церкви он просто не чувствовал. Каким-то странным образом он остался вовсе вне христианства. Не потому ли, что был схвачен и удержан своим опытом, что лик Христа был заслонен от него ликом Софии» [Флоровский, 1991: с. 468].

Действительно, Блок любит порассуждать о Боге, но на самом-то деле никакой Бог, кроме Вечной Женственности, ему не нужен. Бог для него – культурная условность, без которой вроде бы и обойтись нельзя, но и приспособить ее не к чему. А с другой стороны, акцентирование проблемы Вселенской Женственности неминуемо порождает восприятие Бога как Вселенской Мужественности (даже когда это не проговаривается вслух). И если окончательно отрешиться от христианской парадигмы, то чем Вечная Женственность не Божество, для чего еще исповедовать какое-то мужское божественное начало? С такой точки зрения мировоззрение Блока отнюдь не безрелигиозно. Просто тут налицо отрицание существующей

(христианской) религиозности («Религия – грязь»). И, конечно же, это мировоззрение весьма далеко от соловьевского. У Соловьева Блок заимствует формы и образы, но наполняет их иным содержанием.

Зато на Белого – эдипов комплекс. По крайней мере, когда речь идет о схождении индивидуальных комплексов с общекультурными, оба литератора выглядят почти как братья.

У Белого – эдипов комплекс, у Блока – инцестуальный симбиоз с матерью. По словам А. Эткинда, мать Блока идентифицировала «себя с сыном до смешения с ним», в свою очередь, «Александр Александрович без помех идентифицировался с матерью и без критики воспринимал ее версию жизни» [Эткинд, 1998: с. 317, 319].

Мать поддерживала в Блоке мистические настроения. Сам характер блоковского мистицизма во многом от матери: «Ее не удовлетворяло обычное отношение к религии, она искала нового направления и новых путей. Ее внимание было обращено исключительно на духовную сторону. Не уклоняясь от христианства, она воспринимала его только как религию духа. Нравственная проповедь Христа перестала ее занимать. Она принимала только общий закон любви, понимая его не как закон милосердия и сострадания, а как стремление передать другой душе любовь к богу. “Жизнь должна быть религиозна, – говорила она, – и все должно исходить от религии, самое искусство должно быть религиозно”. При этом она имела в виду, конечно, не религиозные темы и сюжеты, а теургичность искусства, отношение к нему как священнодействию. Все более и более влекло ее к мистике, к тайне. Она везде искала тайных причин и мистических влияний, чем дальше, тем больше верила она в мир нереальный, все меньше придавая значения фактам, и не раз говорила, что мир нереальный гораздо достовернее реального, что только он и действителен, только он и важен» [Бекетова, 1990: с. 308–309].

Не только мистицизм, но и блоковские патологии тоже в немалой степени от матери: «<...> Мать, на границе психической болезни, но близкая и любимая, тянула Блока в этот мрак» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 138]. Состояние ее прогрессировало, психика все больше и больше ввергалась в хаос. Она и сама это понимала. Вот еще одно свидетельство М. А. Бекетовой: «Она была очень сложный человек. В одном из последних писем ко мне, посланных в Лугу в 1919 году, она говорит: “Ты пишешь, что я лучше, чем я о себе думаю. Меня – пять человек, а может, и больше. Я не только раздвоилась, я упятерилась. И уж, кажется, даже один за другого не отвечают, до того они разные во мне, потому и мнения обо мне нельзя иметь. Таковы результаты культуры: хаос”» [Бекетова, 1990: с. 337].

Л. Д. Менделеева-Блок в своих мемуарах пишет, что причинила огромное зло мужу тем, что не сумела освободить его из-под болезненного влияния матери: «Порвать их близость, разъединить их – этого я не могла и по чисто женской мелкой слабости: быть жестокой, “злоупотребить” молодостью, здоровьем и силой – было бы безобразно, было бы в глазах всех – злом. Я недостаточно в себя верила, недостаточно зрело любила в то время Блока, чтобы не убояться. И малодушно дала пребывать своему антагонизму со свекровью в области мелких житейских неувязок. А я должна была вырвать Блока из патологических настроений матери. Должна была это сделать. И не сделала. Из потери себя, из недостатка веры в себя» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 138].

Но материнским комплексом сходство Белого и Блока не исчерпывается. У Белого – «ненормальное, колеблющееся сочетание в нем, в его психике и поведении,

“мужского” и “женского” начал, проникшее в самую суть его существа и определившее многое в отношениях его с людьми» [Долгополов, 1988: с. 59]. Та же проблема – у Блока [Кузнецов, 2004]. Поэт сам осознает ее. Пытается теоретически определить меру соотношения мужского и женского в себе, сопоставить эту меру с некими общекультурными образцами. Вот характерная дневниковая запись:

«<...> Собирая “мифологические” матерьялы, давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа. Установившимся наиболее началом смело могу назвать только одно: женственное.

Обоснование женственного начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях.

Как оно отразилось в моем духе.

Внешние его формы (антитеза).

Я, как мужской коррелят “моего” женственного. “Эгоистическое” исследование» [Блок, 1960–1963: т. 6, с. 48].

Запись отнюдь не касается только лишь теоретических вечноженственных построений Блока, но напрямую связана с взаимоотношениями поэта с его *анимой* (если использовать юнгианскую терминологию). Анима Блока сильнее, живее, определеннее, оформленнее его мужского Я. Собственно, в условиях инцестуального симбиоза с матерью иначе просто и быть не может.

В связи с процитированным отрывком О. Клинг замечает: «Однако само “я” поэта тоже определенным образом отразилось в Прекрасной Даме. Мир автора, в том числе поэта, включает в себя не только лирического героя, систему героев-двойников, но и, казалось бы, оппозицию поэтическому “я” – Вечную Женственность. В этом образе-мифологеме есть и отражение мира автора. Сам Блок не закрывал глаза на существование в нем двух начал – мужественного и женственного. Он считает женственное “установившимся наиболее началом”, находит “обоснование женственному началу в философии, теологии, изящной литературе, религиях”. Поэтому он задается вопросом: “Как оно отразилось в моем духе?” И далее записывает в дневнике: “Я как мужской коррелят “моего” женственного”. Блок считает “женственное” понятием, относительно которого устанавливается содержание “мужского”. Поиски Вечной Женственности лежали и в русле обретения гармонии двух начал в самом поэте» [Клинг, 2009: с. 449–450]. Однако гармония, о которой пишет исследователь, не складывалась. Женское начало слишком часто брало верх.

Другим фактором, способствовавшим доминированию *женственного* в психике Блока, скорее всего, был его гомосексуальный опыт. Речь идет об отношениях поэта с Семеном Панченко. А. Эткинд приводит весьма характерные выдержки из писем Панченко к юному Блоку.

Такую, к примеру:

«Крепко Вас обнимаю и целую.

Я знаю, что я это нахально. Я не смею этого делать. Я – грязный, запсевший, Вас – чистого и прекрасного – обнимать и целовать. Но чистому – все чисто. Ничто нечистое к Вам не пристанет. А грязный – так он же и есть грязный; что бы он (ни) делал – все равно будет грязно».

Или такую:

«Вы будете со мною и моим. Знаю, как в вас все, решительно все запротестует против этих моих слов. Вижу, как Вы изумлены. Это от неведения. Но придет час – Вам некуда будет податься и Вы будете со мною и моим. Не пугайтесь. Вам тогда будет хорошо. Ибо Вы увидите то, что другие ищут и чего не могут найти» [Эткинд, 1998: с. 324–325].

Анализируя «Катилину» и «Исповедь язычника», А. Эткинд обнаруживает у Блока бессознательное стремление к превращению в женщину через кастрацию и гомоэротические мечтания, также соединенные с кастрационным комплексом (последний устойчиво проявляется тут именно как желание оскопления, а не страх перед ним) [там же, с. 369, 371–372]. Причем исследователь подчеркивает, что полусознанная мечта о перемене пола преследовала Блока едва ли не всю жизнь [там же, с. 377].

Побеждаемый, подчиняемый женским началом, Блок, как и Белый, отчаянно пыгается утвердиться на мужских позициях. Зачастую поэт действует под влиянием «мучительного, древнего, терзающего <...> часто мысленного соблазна: “вечной мужественности”» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 107]. Отсюда – стремление к обладанию Вечной Женственностью в ее земном воплощении. Находится и подходящая кандидатура: Любовь Дмитриевна Менделеева. Добрачный период отношений Блока с Любовью Дмитриевной являет нам набор символов, хорошо знакомый еще по жизни и творчеству Соловьева (но здесь отчетливо видна иная их трактовка).

Вечная Женственность предстает поэту в видениях: «В знаменье видел я вещей сон. Что-то порвалось во времени, и ясно явилась мне она, иначе ко мне обращенная, – и раскрылось тайное. Я видел, как семья отходила, а я, проходя, внезапно остановился в дверях перед ней. Она была одна и встала навстречу и вдруг протянула руки и сказала странное слово туманно о том, что я с любовью к ней. Я же, держа в руках стихи Соловьева, подавал ей, и вдруг это уж не стихи, а мелкая немецкая книга – и я ошибся. А она все протягивала руки, и занялось сердце. И в эту секунду, на грани ясновиденья, я, конечно, проснулся. И явно должно было быть так, ибо иначе неземное познал бы и уже как бы наяву – самый сон обратился бы в состояние пророчественное» [Блок, 1965: с. 21].

В видении отчетлив мотив нарушения порядка времен, в результате которого становится возможным мистический опыт (к этому мотиву мы еще вернемся, ибо он очень важен для Блока). Поэт видит себя на пороге (буквально – в дверях) перехода в новое состояние. Прежние связи слабеют (семья отходит). Женственность призывает его к какому-то новому служению. Но он еще не вполне готов: видение оборвано, тайна не раскрыта. Характерно, что сон предрекает фатальную ошибку, какую-то фарсовую подмену соловьевства чем-то иным (превращение стихов Соловьева в *мелкую немецкую книгу*). Может быть, Блок сомневается в своих возможностях хранить подлинную верность избранному знамени? Может быть, чувствует, что соловьевство для него скорее маска?

Здесь же и неперемные искушения бесовские: «Вчера вечером и ночью я постигал всю бесконечность. Прощал все одушевленные и неодушевленные существа. Но это, как часто, досталось нелегко. Опять приходил “Он” (чорт?) и пугал. Он очень неотвязен. Вчера показался мне простым, грустным и мутным. Впрочем, я никогда еще (кажется) не видел Его, а только чувствовал Его присутствие. Вероятно, Он бросит свои старые приемы – пугать бесконечностью и “растягивать” время,

пространство и цепь причин. Будет ласкаться по-собачьи» [Блок, 1978: с. 134]. Характерно, что о черте говорится так, как принято о Божестве: «Он», «Его»...

Любовь Дмитриевна торжественно провозглашается аватарой Богородицы и Софии – Вечной Женственности: «<...> меня оправдывает продолжительная и глубокая вера в Вас (как в земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности, если Вам угодно знать)»; «И вот – миг один, и моя душа сочтет Тебя Девой Марией. И она считает и считала Тебя Ею»; «Повтори, что веришь всему? Повтори, Искра божественная, повтори, Дева, Богородица, Матерь Света!» [там же, с. 52, 136, 152]. Как видим, материнский комплекс работает вовсю. Возлюбленная приобретает в первую очередь черты Всематери (но здесь же и отталкивание от архетипа Матери, настойчивое обращение к архетипу Девы). Впрочем, здесь вероятно присутствует и некоторое отталкивание от образа Девы. Отсюда неуместный эпитет «пресловутая» (у Даля читаем: «Пресловутый, преславный, известный, знаменитый <...> бол. насмешливо» [Даль, 1903–1909: т. 3, ст. 1031]).

В дальнейшем комплекс продолжает развиваться в направлении сближения образов матери и Любви Дмитриевны. Вот дневниковая запись от 28 мая 1912 г. (т. е. речь идет уже о периоде состояния в браке с Менделеевой):

«Сегодня ночью наконец, накануне отъезда Любы, несказанный сон, в котором в первый раз связаны Люба и мама. Сон хватания за убегающую жизнь, боязнь жизни вообще, мучения и унижения последних дней, страшная тяжесть, но за ней – несказанное и великое.

Почти нельзя описать: Франц выписывает из-за границы какого-то “запрещенного” пана, и мы с мамой (или с Любой?) возьмем его ночью по трясучим проселкам куда-то сюда. Впереди нас на низких санках сидит не то сам этот пан, не то возница, старенький старичок, еле везет, попадает во все ухабы и вывихивает нервы так, что я бью его палкой; после этого сидящая рядом со мной (не то Люба, не то мама) ударяет его тоже палкой по голове так, что он пригибается, а я кричу с иступлением отчаяния и с восторгом жалости: “Не смей бить старика!” Потом мы приезжаем к какому-то огорку, выходит Франц и что-то кричит, чего пан должен слушаться.

Сон, сплетенный с вихрем каких-то других, посторонних; наиболее ясно только то, что я написал: жалость и юность – обе раздирающие. Ночь, возок, пустыня, “страшно” (потому что пусто), и со мной – мать и жена: в одной» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 145–146].

Сон вполне эдиповский. Слияние *матери* и *жены* обнажают *инцестуозность* скрытых мотивов и желаний сновидца. А ежели придерживаться ортодоксальных фрейдистских толкований, так тут еще и поездка в тряском возке – символ полового акта. Старенький пан – безусловно *отец* (выписывает его откуда-то *отчим*, т. е. эти две фигуры совмещаются). Блок – *сын* (ощущение юности). Сын хочет подчинить себе отца (“пан должен слушаться”) и занять его место. Для этого применяется насилие. Если опять-таки держаться ортодоксии, орудие насилия (палка) недвусмысленно указывает на стремление достичь сексуального превосходства. Но здесь же и *конфликт с женским началом*. Женщина сама берется за палку. Она присваивает себе мужскую роль, тем самым принижая мужественность Блока. Тут можно видеть и *кастрационный комплекс*. Только здесь уже не желание кастрации, а страх перед ней. Характерно, что в роли оскопителя пытается выступить именно женщина (жена-мать). Но Блок подавляет восстание женского начала, подтверждая свою

мужественность. Таким образом, здесь прослеживается еще и мотив борьбы *мужественного эго* с противостоящей последнему и откровенно враждебной ему *анимой*.

Поэт жаждал, чтобы жена была подобна матери. Но мечта не осуществляется. И одна из претензий, которую предъявляет жене Блок, – неразвитость в ней материнского начала: «Когда я влюбился в те глаза, в них мерцало материнство – какая-то влажность, покорность непонятная. И все это было обманом. Вероятно, и Клеопатра умела отразить материнство в безучастном море своих очей» [Блок, 1965: с. 159].

Приведенные фрагменты показывают нам дальнейшее развитие блоковских комплексов на *индивидуальном* уровне. Но еще задолго до проанализированного сна *смешение индивидуальных комплексов с общекультурными* успело достичь кульминации.

В письме от 30 мая 1907 г. Блок послал жене весьма знаменательное стихотворение:

Л. Д. Б.

Ты отошла, – и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты – родная Галилея
Мне – невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где преклонить Ему главу [Блок, 1978: с. 202].

Долгополов так комментирует эти строки: «Здесь отчетливо выразилось то новое восприятие женщины и то новое понимание и интерпретация женского образа, которые были принесены в русскую поэзию Блоком. <...> Образ женщины, возлюбленной, и образ родины, родной земли (Галилея) в приведенном стихотворении сливаются; поэт, доселе “невоскресший Христос”, обретает себя, обретает личность, хотя осознает свою миссию и свою судьбу трагически, о чем свидетельствуют последние строки – переложение известных слов Нового завета. Слияние двух линий, двух сфер поэтического восприятия дало впоследствии возможность Блоку проделать немислимую, казалось бы, операцию: формируя в 10-е годы три тома лирики, Блок помещает это стихотворение, любовное по смыслу, в цикл под заглавием “Родина”. Оно следует первым среди произведений цикла и дано курсивом, как своеобразный эпиграф или введение к дальнейшему. Стихотворение открывает ныне цикл, содержащий историческое осмысление судеб России и роли личности в “мировом водовороте” событий, и в таком повороте для Блока не содержалось ничего необычного» [Долгополов, 1980: с. 57–58].

На самом деле чего-то кардинально нового Блок здесь не предлагает. Он всего лишь обыгрывает традиционный для русской ментальности образ страны как матери-жены царя или князя (то же – в Куликовском цикле) [Горюнков, 2010: с. 72–74]. И добавляет опять-таки традиционное для русской культуры отождествление царя земного с Царем Небесным.

При таком подходе *сыновний бунт* Блока приобретает уже все черты традиционного русского *самозванчества*. Русь (мать-жена) – новый Израиль (опять же вполне в соответствии с традицией). Блок – самозванный Христос (может быть, отношение поэта к подлинному Христу отражает скрытое соперничество?). Неявно – он же и самозванный царь. И это, можно сказать, стандартное сочетание. К примеру, один из скопческих христов – Кондратий Селиванов – по совместительству являлся еще и самозванным Петром III [Успенский, 1982: с. 203].

Таким образом, поэт явно жаждет повысить онтологический уровень своих инцестуозных притязаний и войти в космический симбиоз со Страной-Землей-Богородицей. Мотивами религиозного самозванчества пронизаны в той или иной мере все поэтические циклы Блока, посвященные России...

Вернемся, однако, к добрачным отношениям поэта и Л. Д. Менделеевой. Блок подозревает греховность своих вечноженственных игрищ, но надеется на снисходительность высших сил: «Великий “грех” и великая ересь молиться женщине. Но бог видит, какова моя молитва, и, может быть, простит мне не только это, но и все, что было и что будет, даже смерть от счастья быть с Тобой и угадывать Тебя» [Блок, 1978: с. 115]. Впрочем, все это не всерьез. Даже слово *грех* закавычено. Поэт попросту кокетничает с Богом: по-детски или по-женски.

Да и как ему тут не кокетничать, ежели он стремится к отождествлению Любви Дмитриевны с Богом, к подмене Бога Вечной Женственностью. Когда в 1918 г. Блок попытался рефлексировать над историей своих отношений с Л. Д., он уже не заблуждался относительно истинного смысла своего поклонения женскому началу: «Начало богоборчества. Она продолжает медленно принимать неземные черты» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 343]. Здесь культ Л. Д. прямо и откровенно именуется *богоборческим*.

Но следует лишний раз подчеркнуть: богоборчество не только в том, что Любви Дмитриевне приписываются черты одной из ипостасей Абсолюта (или Абсолюта в целом), но и в том, что традиционные для русской культуры человеко-дьяволобожеские поползновения [см. о них Кузнецов, 2000: с. 159] обнаруживаются у самого Блока. В отношениях с Л. Д. поэт видится самому себе и самозванным Христом, и слабым человеком (недостойным служителем Вечной Женственности), и демоном, Антихристом. В дневнике поэта читаем: «Новогодний визит. Гаданье т-те Ленц и восторг (демонический: “Я шел...”)» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 345]. Блок имеет в виду стихотворение «Я шел – и вслед за мною шли...»:

Я шел – и вслед за мною шли
Какие-то неистовые люди.
Их волосы вставали под луной,
И в ужасе, с растерзанной душой
Зубами скрежетали, били в груди,
И разносился скрежет их вдали.

Я шел – и вслед за мной влеклись
Усталые, задумчивые люди.
Они забыли ужас роковой.
Вдыхали тихо аромат ночной
Их впалые измученные груди,
И руки их безжизненно сплелись.

Передо мною шел огнистый столп.
И я считал шаги несметных толп.
И скрежет их, и шорох их ленивый
Я созерцал, безбрежный и счастливый [Блок, 1971: т. 1, с. 125].

Здесь Блок вроде бы примеряет маску Моисея: «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им днем и ночью» (Исх. 13: 21). Но в дневниковой записи с этим стихотворением сопряжен *демонический* восторг. Поэтому уместно предположить, что поэт играет тут роль Антихриста, обольщающего народы. «И творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми» (Откр., 13, 14).

Блок, как уже говорилось, плохой философ и свои мистические построения оформляет словесно в крайне невнятных пассажах. Особенно когда речь идет об отношении Л. Д. к Абсолюту. Но общая тенденция все же прослеживается достаточно отчетливо. Вот, к примеру, письмо от 16 декабря 1902 г.: «Как ни странно, не только греческая философия (особенно, времен Христа), но и всякая “настоящая” книга, трактующая о вечном, теперь понятна и близка мне. Я уже могу найти там Твое изображение. Более или менее длинные лестницы философских, литературных и исторических (даже естественно-исторических!) понятий – все идут к Одному Незыблемому и Затерянному в тех Эдемах, куда я силюсь восходить, чтобы услышать там ясный и близкий Страх божий, запечатленный в моем существе от века (это уж религия), как Твое откровение. В этой запутанной формуле коренится однако вся суть “моего” и в ней же – приблизительное изображение моей молитвенной любви к Тебе. Оттого, что “все имеет свое место”, как звено непрерывной цепи, все должно вступить в органическую связь с моим последним выражением, с тем, что составляет мою цель и полное уничтожение моего личного “я” – с Тобой в будущем. Здесь (как это ни странно) я все еще стою на точке зрения не собственной только, а на мировой, вселенской, постигнутой многими, как и непостижимой для многих мистической философии» [Блок, 1978: с. 82]. И еще один пассаж: «...Мы еще пробуждаемся, я еще “не угадал Твоего имени”, еще так ослеплен Твоим благоуханным настоящим, что не постигаю пророчески Твоего будущего. Только еще, храня Страх божий, не смею взглянуть в лицо Тому, от Кого исходит этот Страх» [там же, с. 83].

«Формулы» действительно «запутанные». Но если распутать, получится что-то вроде того, что *через Вечную Женственность, которая есть Л. Д., проявляет себя Бог* (ее откровения – «Страх божий»). Постичь сущность возлюбленной – взглянуть в лицо Божества. Здесь же и мотив Всеединства. Всеединство – «непрерывная цепь» бытия. И оно же – нечто скрытое в глубинах «я» поэта, некая экзистенция. Причем предел самопроявления, саморазвертывания означенной экзистенции – растворение блоковского «я» в глубинах Духа Л. Д.

Последняя конструкция совсем уж плохо поддается истолкованию. Чтобы понять здесь хоть что-нибудь (понимал ли сам Блок?), нужно обратиться к фрагментам переписки, отражающим взаимоотношения Я поэта с вечноженственным началом. В письме от 29 января 1902 г. читаем: «<...> Я посягнул или преждевременно, или прямо вне времени на божество некоторого своего Сверхбытия <...> Это – сила моей жизни, что я познал, как величайшую тайну и одновременно гармонию самого себя, – ничтожного, озаренного тайным Солнцем Ваших просветлений. Могу просто и безболезненно выразить это так: моя жизнь, т. е. способность жить, немислима без Исходящего от Вас ко мне некоторого непознанного, а только еще смутно ощущае-

мого мной Духа. Если разделяемся мы в мысли или разлучаемся в жизни (а последнее было, казалось, сегодня) – моя сила слабеет, остается только страстное всеобъемлющее стремление и тоска» [там же, с. 39–40].

Та же тема затронута и в письме от 14 декабря 1902 г.: «<...> Я люблю Тебя безумной, сумасшедшей частью души, самой глубокой и отдаленной, которая теперь охватила уже всю душу, безраздельно властна и могуча. <...> В тебе то, что мне необходимо нужно, не дополнение, а вся полнота моя. Если Тебя не будет, я совершенно исчезну с лица земли, “исчерпаюсь” в творении и творчестве. Без Тебя я так немислим, что, я думаю, некоторые просто видят, наконец, что действую не я сам, а что-то внутреннее вдохновляет. И уж конечно эти не знают, кто это внутреннее, это Ты, и уж конечно я знаю, что это – Ты, что весь сложный механизм движется от Одного Двигателя – Тебя и Тобой. Тут вся моя цель и вся загадка и разгадка, “узел бытия”, корни и цветы» [там же, с. 77–78].

В этих письмах Л. Д. предстает как внешняя проекция блоковской анимы (точнее – *глубинной вечноженственной основы анимы поэта: некоторого Сверхбытия*; еще точнее: Блок пытается описать *тождество метафизической основы собственной анимы с Анимой Мира*). Так сразу же устанавливается симбиотическая связь (Л. Д. более внутри поэта, чем вне его, поэтому он и она – одно). Загвоздка в том, что место Сверхбытия и Анимы Мира уже занято – образом *матери* Блока. Поэтому неизбежны внутренний конфликт, раздвоение. Но неизбежно и слияние образов матери и возлюбленной в один (мы уже видели, как такое слияние происходило на индивидуальном и надындивидуальном уровнях).

Вероятно, именно исходная двойственность в восприятии женского начала вызывает попытки поиграть идеей тождества и различия Женственности как таковой и ее отдельного воплощения. В письме от 17 ноября 1902 г. обнаруживаем следующее заявление: «Ты – вся женственность, не оставившая женщины, и женщина, не возмущающая женственности. Верь мне, что этого таинственного и редкого в мире сочетания почти никогда нельзя встретить» [там же, с. 62]. Пока Л. Д. объявляется случаем идеального сочетания формы и содержания. Но тут скрыта и возможность иного подхода. Ведь Женственность здесь выше конкретных эмпирических женщин. Женщины по большей части этой самой Женственности недостойны. Поэтому в каждом отдельном случае очень легко перейти от безудержного восхищения к критицизму (вспомним Соловьева).

Впрочем, Блок не только восхищается. Сохранился черновик неотправленного (и, вероятно, неоконченного) письма от 31 октября 1902 г.: «Мне было бы страшно остаться с Вами. На всю жизнь тем более. Я и так иногда боюсь и дрожу при Вас, незримый. Могу или лишиться рассудка, или самой жизни. Это бывает больше по вечерам и по ночам. Неужели же Вы каким-нибудь образом не ощущаете этого? Не верю этому, скорее думаю наоборот. Иногда мне чувствуется близость полного и головокружительного полета. Это случается по вечерам и по ночам – на улице. Тогда мое внешнее спокойствие и доблесть не имеют границ, настойчивость и упорство – тоже. Так уже давно и все больше дрожу, дрогну. Где же кризис – близко или еще долго взбираться? Но остаться с Вами, с Вами, с Вами...» [там же, с. 53]. Оказывается, Вечная Женственность способна внушать и ужас.

В том же 1902 г. Блок много и истерично рассуждает о самоубийстве. Дело не только в возможности разрыва с Л. Д. (такая возможность действительно была). Похоже, поэт по-настоящему страшит и перспектива добиться успеха. Кажется,

Блок не верит в соответствие собственной любви декларированным мистическим идеалам. Он хочет подогреть страсти. Ему мнится, что подлинные экстазы возможны лишь в присутствии смерти. Вот дневниковая запись от 9 марта 1902 г.:

«В экстазе – конец.

Реши обдуманно заранее, что тебе нужно умереть. Приготовь револьвер или веревку (!?). Назначь день. В промежутке до самоубийства то мирись, то ссорься, старайся развлекаться, и среди развлечений вдруг пусть тебя хватает за сердце неотступная и данная перед крестом, а ЕЩЕ ЛУЧШЕ – перед любимой женщиной, клятва в том, что в определенный день ты убьешься. Выкидывай шутки, говори СТРАННЫЕ вещи, главное – любимой женщине, чтобы она что-то подозревала и чем-то интересовалась. В день назначенный, когда ты знаешь, что можешь без препятствий ее встретить и говорить, – из-за экстаза начнет у тебя кровь биться в жилах. Тогда – делай, что тебе нужно, или делай, или говори. *Мы не помешаем тебе и будем наблюдать за тобой.* Если ошибешься, нам будет очень смешно, ты же будешь очень жалок. Потому – лучше сразу, а на предисловия не очень надейся. *Конечно, если можешь с предисловием, – то только выиграешь (плюсик).*

Все это сделаешь ты, если хочешь 1) скорее, 2) здесь испытать нечто 1) новое, 2) крупное, т. е. – если нет терпенья и нет веры в другое» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 39–40]. (Кстати, кто такие эти *мы*, которые будут наблюдать, не вмешиваясь? Бесы? Ангелы?)

Впечатление абсолютной патологичности этого вечноженственного романа усиливается стойким мазохизмом Блока, его стремлением к самоунижению, самоумалению, к полному подчинению возлюбленной. До свадьбы поэт почти всегда подписывает письма «Твой»: ни имени, ни прозвища, полный отказ от своего, личного. Его послания полны весьма характерных пассажей: «Я в прахе перед Тобой, обнимаю Твои колени, я не смею и не дерзаю большего... Чувствую свое убожество перед Тобой, целую твои ноги, недостойный и страстный... Подол Твоего платья целую горящими недостойными его губами, я, пыльный человек, Ангелу Света, былинка у ног Твоих, Розовая, Крылатая, Светлая, Дивная, Чудесная»; «Твой шут, Твой Пьерро, Твое чучело, Твой дурак, уж Тебе не понравится, а уж я все-таки унижаюсь, не могу, уж так надо, такая уж черта. Прости за это все, Всепрощающая, Дивная, Ласковая, за Твои письма Твои ноги целую» [Блок, 1978: с. 145, 146].

Тут нечто большее, чем просто желание отдельного человека ползать во прахе перед объектом страсти. Тут стремление унижить *мужское* начало перед *женским*: «Просто ли, по-мужски ли грубо, без понимания касаюсь Красоты Твоей, ощущаю Прелесть Твою?»; «Знаю, как я груб, как мало во мне тонкости, чуткости. Я мужчина. Я – не Ты!»; «Если мне кажется дерзким даже смотреть на Тебя теперь, потому что ведь я же груб, и я мужчина, и меня хватает только на то, чтобы понять дерзость своего присутствия? Точно я – что-то лишнее. <...> А теперь я думаю, какие бывают еще мужчины и, оказывается, бывают грубее меня» [там же, с. 150, 151, 156].

Но Блоку не повезло: «<...> Любовь Дмитриевна оказалась вполне земной женщиной, чуждой всякой отвлеченности и мистики. На время она, плененная Блоком и необычайностью всего, что с ним было связано, проникается его мыслями и надеждами и даже тем языком, полным намеков, иносказаний, мистической возвышенности, на котором изъяснялись “соловьевцы” <...> Но затем наступило отрезвление, хотя процесс этот растянулся на несколько лет» [Долгополов, 1980: с. 43]. Приведенное

утверждение нуждается в уточнении. Л. Д. постоянно колебалась: то заражалась блоковским мистицизмом, то восставала против него; отрезвление наступило уже после заключения брака, да и оно вряд ли было таким уж полным и всеобъемлющим. А до свадьбы Блоку постоянно приходилось вести разъяснительную работу.

Во-первых, поэт добывается от возлюбленной понимания сущности своего мистицизма. Данной теме посвящено письмо от 22 февраля 1903 г. В нем Блок заявляет: «<...> Самый этот “мистицизм” (под которым Ты понимаешь что-то неземное, засферное, “теоретическое”) есть *самое лучшее*, что во мне когда-нибудь было; он дал мне *пережить* и *почувствовать* (не *передумать*, а *перечувствовать*) все события, какие были в жизни, особенно 1) ярко, 2) красиво, 3) глубоко, 4) таинственно, 5) религиозно. И главное, он дал мне *полюбить Тебя любовью*, не требующей оправданий, *почувствовать* перед Тобой правоту сердца, увидеть все ближайшие и *многие дальнейшие* цели этой как будто бесцельной любви (как бывает *бесцельна* красота в природе... в “Мире искусства”). “Мистицизм” дал мне всю силу *к жизни*, какая есть (если ее не так много, то это уже лежит в натуре; но во всяком случае, она проявилась хотя бы в тех же стихах, а я думаю, что еще сильнее в том, что я чувствую по отношению к Тебе, ибо и стихи – отсюда). Это – все мое лучшее “я” – лучшее, и САМОЕ НУЖНОЕ ТЕБЕ – потому что Тебе НУЖНА моя любовь. Теперь же, когда ты *близка*, это и ВСЕ мое “я”, потому что нет ни одной области в жизни, которую бы не проникала Ты, Твое присутствие, – через этот же самый “мистицизм”. Мистицизм не есть “теория”, это – *непрестанное* ощущение и констатированье в самом себе и во всем окружающем таинственных, ЖИВЫХ, ненарушимых связей друг с другом и через это – с Неведомым. Это – религиозное сознание, а не бессознательное затуманивание головы» [Блок, 1978: с. 107]. И еще: «Мистики совсем не юродивые, не “олухи Царя Небесного”, а только разряд людей особенно ярко и непрерывно чувствующих связи с “Иным”, притом чувствующих не только в минуту смерти, а на протяжении всей жизни» [там же, с. 108].

Блок утверждает, что мистика и есть жизнь, апеллируя к естественным наукам: «Твой отец совершил *мистический* поступок, когда в великом напряжении энергии своего творчества открыл *биологический закон (жизненный)*, и самые эти *биологические законы мистичны*, потому что говорят о *причинности*, т. е. “детерминизме” (зависимости от...). Когда по стеблю поднимаются *живые соки* – происходит *мистический процесс*» [там же, с. 107].

Поскольку мистицизм тождествен жизни, то мистическая любовь и есть самая жизненная и земная любовь. Мистическая любовь делает земную жизнь более глубокой, придает ей иные измерения, соединяя в едином пространстве-времени разные уровни бытия: «Может быть Ты до сих пор думаешь, что было когда-нибудь время, когда я *только* думал о Тебе, и не чувствовал Тебя, живую, источник моей *жизни*, а не моей фантазии. <...> Но не было дня, когда бы я на первое слово, движение, улыбку в мою сторону не ответил бы Тебе со всей земной страстью; и Ты напрасно думаешь и теперь, что бывают у меня дни отвлеченные и реальные. Бывают *более* отвлеченные, когда я надышусь метафизикой из книг или от людей; которые все говорят, в сущности, об одном. Тогда я только чувствую еще и будущие миры. Но никогда, раз навсегда клянусь Тебе, я не в силах уйти в полную отвлеченность. Я никогда не забуду, что Ты живая и молодая, такая, как Ты есть перед глазами, в простом человеческом сердце моего существа. Ты принимаешь за отвлеченное, м. б., иногда образы и фантазии в рифмах. Но ведь стихи и образы не рассудочны. Только

форма их гранилась рассудком (окончательная), а содержание и, главное, “субстанция” всегда выпевается из сердца прямо, непосредственно. Воля, которая выражается в стихах, есть страстная, а не разумная воля. Я люблю Тебя так, как наверно никогда и никого не любил и не полюблю. Ты – вся моя молодость, моя живая надежда, мое земное бытие. Ты – мой идеал не только “там”, но и “здесь”» [там же, с. 88].

При этом Блок, видимо, действительно нуждается не только в метафизическом и мистическом вдохновении, но и в витальной силе, в жизненной энергии возлюбленной. Своих силы и энергии ему, похоже, остро не хватает. И он вовсю черпает витальность из вечнойженственной подруги, в чем сознается с поистине детской непосредственностью: «Я впился в Твою жизнь и пью ее» [там же, с. 139].

Ответная реакция Л. Д. описана ею самой в мемуарах. Вот о первом знакомстве с посвященными ей стихами:

«Но последние два – это образец моих мучений следующих месяцев: меня тут нет. Во всяком случае, в таких и подобных стихах я себя не узнавала, не находила, и злая “ревность женщины к искусству”, которую принято так порицать, закрадывалась в душу. Но стихи мне пелись и быстро запомнились.

Понемногу я вошла в этот мир, где не то я, не то не я, но где все певуче, все недосказано, где эти прекрасные стихи так или иначе все же идут от меня. Это обиняками, недосказанностями, окольными путями Блок дал мне понять. Я отдалась странной прелести наших отношений. Как будто и любовь, но в сущности – одни литературные разговоры, стихи, уход от жизни в другую жизнь, в трепет идей, в запевающие образы» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 155–156].

Вот попытка освободиться – письмо с извещением о разрыве отношений:

«Мне вдруг совершенно неожиданно и безо всякого повода ни с Вашей, ни с моей стороны стало ясно – до чего мы чужды друг другу, до чего Вы меня не понимаете. Ведь Вы смотрите на меня, как на какую-то отвлеченную идею; Вы навоображали обо мне всяких хороших вещей и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении, Вы меня, живого человека с живой душой, и не заметили, проглядели...

Вы, кажется, даже любили – свою фантазию, свой философский идеал, а я все ждала, когда же Вы увидите меня, когда поймете, чего мне нужно, чем я готова отвечать Вам от всей души... Но Вы продолжали фантазировать и философствовать... Ведь я даже намекала Вам: “надо осуществлять”... Вы отвечали фразой, которая отлично характеризует Ваше отношение ко мне: “Мысль изреченная есть ложь”. Да, все было только мысль, фантазия, а не чувство хотя бы только дружбы. <...> Я живой человек и хочу им быть, хотя бы со всеми недостатками; когда же на меня смотрят, как на какую-то отвлеченность, хотя бы и идеальнейшую, мне это невыносимо, оскорбительно, чуждо... Да, я вижу теперь, насколько мы с Вами чужды друг другу, вижу, что я Вам никогда не прощу то, что Вы со мной делали все это время, – ведь Вы от жизни тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и ... скучно» [там же, с. 161–162].

Любовь Дмитриевна требовала осуществления отношений, хотела *плотской* любви. На таких условиях она вполне готова была принять и все остальное. Более того. Она даже себе самой приписывала некие мистические экстазы. Утверждала, будто имела мистический опыт еще до истории с Блоком: «...”Космизм” – это одна

из моих основ. Еще в предыдущее лето (Л. Д. описывает здесь лето 1901 г. – *Авт.*), или раньше, я помню что-то вроде космического экстаза, когда, вот именно, “тяжелый огонь окутал мирозданье...”. После грозы на закате поднялся сплошной белый туман и над садом и над садом. Он был пронизан огненными лучами заката – словно все горело: “Тяжелый огонь окутал мирозданье”. Я увидела этот первозданный хаос, это “мирозданье” в окно своей комнаты, упала перед окном, впиваясь руками в подоконник в состоянии потрясенности, вероятно, очень близком к религиозному экстазу, но без всякой религиозности, даже без бога, лицом к лицу с открывшейся вселенной...» [там же, с. 155].

Однако и тут Л. Д. подчеркивает, что откровение Всеединства, вселенской целостности на пике кипения космической витальной мощи носило «естественный» характер (без Бога и религиозных чувств). Речь идет именно о полноте жизни в ее наивысшем проявлении. Сама Любовь Дмитриевна также стремится к обретению полноты жизни – без сковывающих отвлеченностей. И плотская любовь для нее – одно из важнейших выражений такой полноты.

Блок же... нет, нельзя сказать, что поэт вовсе чужд сексуальности и земных страстей. Скорее наоборот: они ему в высшей степени свойственны (что доказано его многочисленными любовными похождениями). И к Менделеевой его действительно плотски влечет. Блок не только декларирует наличие влечения. Оно неудержимо прорывается в письмах: «Только пусть голос поющего призывающий, пусть Ты около, Ты, гибкая, как стебель, влюбленная, зовущая в ночь – и знать, что замолчит голос, потушат огни – и мы уйдем, и будет ночь, и будем вдвоем, и никакие силы не разделят, и будет упоение и все – забвение, сила сплетающихся рук, Твои поцелуи, Твои белые зубы, Твои плечи, Твое благоуханное дыхание, замирающие движения, красота, страсть и безумья долгих мгновений»; «Когда наступает вечер, у меня начинается смятение в душе, а к ночи, когда кричат коростели и шумят поезда, поднимается целая буря, и мне хочется медленно красться и прятаться в тени белых вилл и старых деревьев, точно Ты назначила мне тайное свидание где-то и близко и далеко, в тени, у воды. Тут будто вся ночь только для того, чтобы незаметно и тайно ото всех сильно и страстно сжать Тебя в объятиях в шепчущей тишине, прижаться к Твоим губам, увести Тебя на край города, будто на край земли, слушать Твой долгий медленный шепот. Мне нужно, чтобы Ты зажала мне губы поцелуями без конца и заставила все забыть, чтобы предаться Тебе страстно и надолго, без единой мысли» [7, с. 140, 166].

Итак, Блок признает и допускает плотские желания в отношениях с воплощением Вечной Женственности. Но он не намерен останавливаться на одних лишь желаниях. Допуская их в мечтах (хотя со страхом и трепетом), он хочет через них (может быть, при их посредстве) прорваться к неким новым и невиданным формам отношений полов. Об этом недвусмысленно свидетельствует дневниковая запись от 21 июля 1902 года:

«Я хочу *не* объятий: потому что объятия (внезапное согласие) – только минутное потрясение. Дальше идет “привычка” – воючее чудище.

Я хочу *не* слов. Слова были и *будут*; слова до бесконечности изменчивы, и конца им не предвидится. Все, что ни скажешь, останется в теории. Больше *испуга* не будет. Больше ПРЕЗРЕНИЯ (во многих формах) не будет.

Правда ли, что я ВСЕ (т. е. мистику жизни и созерцания) отдам за одно? *Правда*. “Синтеза”-то ведь потом, разумеется, добьешься. Главное – овладеть “реальностью” и “оперировать” над ней уже. *Corpus ibi agere non potest, ubi non est!*

Я хочу сверх-слов и сверх-объятий. *Я хочу того, что БУДЕТ.* Все, что случится, того и хочу я. Это ужас, но правда. Случится, как уж – все равно, все равно что. *Я хочу того, что случится.* Потому что, что *должно* случиться и случится – то, чего я хочу. Многие бедняжки думают, что они разочарованы, потому что они хотели не того, что случилось: они ничего не хотели. Если кто хочет чего, то то и случится. Так и будет. То, чего я хочу, будет, но я не знаю, что это, потому что я не знаю, чего я хочу, да и где мне знать это *пока!*

То, чего я хочу, сбудется» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 52–53].

Но сексуальным желаниям противостоят отвлеченные идеи (характерно, что в процитированном только что отрывке жажда *сверхобъятий* неотделима от каких-то непознанных и непостижимых стремлений, от некоего таинственно-расплывчатого будущего; вероятно, именно связь вполне конкретных желаний с отвлеченностями делает общую картину такой туманной; вот и выходит: *нормальные сексуальные влечения разбиваются об отвлеченность* и превращаются в желание непонятных сверхобъятий, а затем отвлеченность крепнет, усиливается и возникают вовсе уж апофатические побуждения). А в идее Вечная Женственность белоснежно чиста. В «Наброске статьи о русской поэзии» Блок характеризует образ женственности в стихах Фета так: «Это – источник жизни поэта, Белая Церковь. В ней все чистое от Астарты и Афродиты» [там же, с. 36]. Д. Максимов, имея в виду этот пассаж, замечает: «<...> Блок не случайно связывал Прекрасную Даму с финикийской Астартой и греческой Афродитой, освобожденными от чувственности» [Максимов, 1986: с. 233]. Однако смысл блоковского высказывания определен исследователем не вполне точно. Идеал Блока – Женственность, очищенная от всяких влияний Астарты и Афродиты (несомненно, имеется в виду Афродита Пандемос). Этот идеал он находит у Фета. В тех же набросках – о Тютчеве: «Вечно нежная гармония помешала ему лицезреть весь ужас тайны этой самой женственной души, ужас, который он все-таки смутно чуял...» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 33]. Далее следуют цитаты, из которых ясно, что *ужас* и *бездна* – в чувственности.

Идея была явным и осознанным препятствием на пути сексуальных порывов. Но было еще и препятствие бессознательное – *страх инцеста*. Этого препятствия просто не могло не быть – слишком уж много сил затратил Блок на выявление в Л. Д. материнского начала. Страх инцеста не мог не вызывать отвращения к сексу. И оно преследовало Блока всю жизнь. В записных книжках поэт, к примеру, сознается, что это чувство отравляло еще его отношения к Садовской: «<...> первой влюбленности <...> сопутствовало сладкое отвращение к половому акту <...>» [Блок, 1965: с. 149].

Поэтому когда Менделеева стала законной женой поэта, грянул гром. Л. Д. в своих мемуарах пишет, что, оказавшись в роли супруга, Блок полностью капитулировал перед идеями и «сейчас же принялся теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это “астартизм”, “темное” и бог знает еще что. Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот еще неведомый мне мир, что я хочу его – опять теории: такие отношения не могут быть длительными, все равно он неизбежно уйдет от меня к другим. А я? “И ты так же”. Это меня приводило в отчаяние! Отвергнута, не будучи еще женой, на корню убита основная вера всякой полюбившей впервые девушки в незыблемость, единственность. Я рыдала в эти вечера с таким бурным отчаянием, как уже не могла рыдать, когда все на самом деле произошло “как по писаному”. Молодость все же бросала иногда друг к другу

живших рядом. В один из таких вечеров, неожиданно для Саши и со “злым умыслом” моим произошло то, что должно было произойти, – это уже осенью 1904 года. С тех пор установились редкие, краткие, по-мужски эгоистические встречи. Неведение мое было прежнее, загадка не разгадана, и бороться я не умела, считая свою пассивность неизбежной. К весне 1906 года и это немного прекратилось» [цит. по Долгополов, 1980: с. 55].

Но мало того: борьбе за чистоту образа Вечной Женственности «сопутствовала длинная серия приключений мужа с проститутками, а потом и с поклонницами. Он с необычной откровенностью рассказывал об этом в письмах своей матери. Жена его в свою очередь стала искать выход на пути сексуальных экспериментов с друзьями и подругами. Мать, выступавшая как самый близкий конфидендент поэта, играла определяющую роль в формировании этих отношений. Она всячески стремилась жить вместе с сыном, десятилетиями конкурируя это право с его женой» [Эткинд, 1998: с. 318]. Как видим, эдипов комплекс Блока разыгрался вовсю. «Необычная откровенность», с которой поэт поверял родительнице свои сексуальные тайны, явно служила извращенной заменой реальных инцестуозных отношений.

Однако мы уже сильно забежали вперед. Прежде чем начинать разговор об отношениях Блока с Вечной Женственностью после его женитьбы, следует остановиться на «Стихах о Прекрасной Даме». Дело в том, что у Блока имелся некий устойчивый комплекс представлений о вечноженственном. Именно в «Стихах о Прекрасной Даме» он нашел наиболее полное отображение, в то время как в письмах к Л. Д. Менделеевой мы видим лишь некоторую часть его (ведь в отношениях с Л. Д. поэт только пытался реализовать свой идеал и в итоге потерпел поражение). В дальнейшем идеи «прекраснодамского» периода практически не изменялись. То новое, что появлялось во взглядах Блока, в его творчестве, он сам оценивал как отступление от идеала, как падение, как результат демонического соблазна и т. п. (особенно хорошо такой ход мысли виден в докладе «О современном состоянии русского символизма», о котором речь еще впереди). Блок постоянно возвращался к «прекраснодамской» идеологии, вновь и вновь активно пытался вернуть утраченное. Об устойчивой идеологической парадигме, связанной с идеалом Прекрасной Дамы, мы и попытаемся рассказать.

Д. Максимов тщательно проанализировал основную мифологию «Стихов о Прекрасной Даме». По мнению исследователя, «Прекрасная Дама Блока – это прежде всего творчески воспринимаемый и создаваемый им “предлогически” (Леви-Брюль) и интеллектуально образ жизни в ее лирическом обобщении и духовной просветленности» [Максимов, 1986: с. 229]. И далее: «<...> Позднее, в предисловии к лирическим драмам, пытаясь рационализировать весь этот комплекс (представлений о Прекрасной Даме. – Авт.), превратить его из онтологического мифа в символ, Блок назвал Ее, свою Возлюбленную с большой буквы, “жизнью прекрасной, свободной и светлой” <...>» [там же, с. 231]. Если вспомнить то, о чем шла речь в рассмотренных уже письмах поэта к Л. Д., получится, что тут говорится не только о жизни как таковой, но и о ее источнике – Сверхжизни, Духе Животворящем. Поэтому причастный силе Прекрасной Дамы лирический герой получает способность к оживотворению мертвого, воскрешению мертвых: «<...> в долинах и лесах / Воскрешал мечтой упорною / Давней жизни мертвый прах...» [Блок, 1971: т. 1, с. 362]. Здесь поэтически претворена мысль Соловьева о победе над смертью посредством половой любви. В другом стихотворении читаем:

Ты взойдешь в моей немой отчизне
Ярче всех других светил
И – поймешь, какие жизни
Я в Тебе любил [там же, с. 425].

О каких жизнях пишет поэт? Вероятно, проходя через множество воплощений, Прекрасная Дама аккумулирует в себе множество человеческих жизней, и вся их совокупность открывается возлюбленному. Получается, что *Прекрасная Дама объединяет в себе Сверхжизнь, жизнь как космическое начало и набор частных жизней*.

Прекрасная Дама – «женственная тень», Душа Мира и просветляющая ее верховная ипостась – София» [Максимов, 1986: с. 230]. Поэт также «не отказывался от мысли о соотношенности той, к которой он обращал местоимение “Ты”, – с Девой Марией» [там же, с. 233]. «<...> Блок, подыскивая “архетипы” Прекрасной Дамы, готов был отождествлять Ее и с мечтой о “небесном Иерусалиме”, сходящем с неба, “как невеста, украшенная для мужа”, и обновляющем землю» [там же, с. 234].

Д. Максимова скрупулезно перечисляет и иные символы Вечной Женственности: «Тексты стихотворений Блока 1901 – 1902 годов наполнены эмблематическими формулами (своего рода антономасиями) Прекрасной Дамы: *Ты, Царевна, Царица, Закатная Таинственная Дева, Голубая царица земли, Заря, Купина, “Вечная жена”, Непостижимая, Солнце, месяц и звезды в косе*, и прочие: “Ласковая, милая, Вечно Молодая”, “Молодая, золотая, Ярким солнцем залитая”, “Молодая с золотой косою, С ясной, открытой душою” [там же, с. 229–230]. В этом перечне мы находим указание на смыслы, организуемые как архетипом Матери, так и архетипом Девы, причем последние, пожалуй, преобладают.

Сюда следует добавить еще и звездную символику: «Душа парила ввысь, и там Звезду нашла»; «Иль ты, сливаясь со звездой, / Сама богиня – и с богами / Гордишься равной красотой...»; «Молчи, как встарь, – я услежу / Восход моей звезды...»; «Кто знает, где это было? / Куда упала Звезда?» (здесь воплощение Вечной Женственности на земле изображается как падение звезды); «Я – царица звездных ратей / Не тебе – мои лучи»; «Сладко найти нам звезду / Вот она – в небе видна. / Я осторожно приду – / Будем шептать имена»; «Здесь только ждут последних вестниц / О восхождении звезды» [Блок, 1971: т. 1, с. 96, 96–97, 120, 146, 177, 404, 426]. М. А. Бекетова вообще считала звезду одним из главных символов Вечной Женственности у Блока [Бекетова, 1990: с. 546]. Поэт явно продолжает старую литературную традицию, по которой любовь и вечноженственное теснейшим образом связаны со звездной темой.

Символика Прекрасной Дамы теснее всего связана с христианским гностицизмом. Однако Блок не прошел и мимо классического античного язычества: «Из последней части “философской поэмы” Блока “Ты, о, Афина бессмертная” (11 февраля 1901 г.) следует, что к перечню божеств, имеющих отношение к Прекрасной Даме, молодой Блок присоединял еще двух творящих и созидающих богов, “детищем” которых, по Блоку, Она является, – Афины и Эроса – мудрость и сердце <...>» [Максимов, 1986: с. 234]. Вечная Женственность определяется здесь так: «Ты, без болезни рожденное, / Ты, вдохновенно-духовное, / Мудро-любовное детище, / Умо-сердечное – ты!» [Блок, 1971: т. 1, с. 363]. Поскольку сама «Поэма философская» посвящена взаимоотношениям духа и тела [там же, с. 357–358], можно предположить, что Блок вообще хотел написать некую вариацию на тему душе телесности любви. Ум должен был в этой схеме соотноситься с духом, а сердце – с плотью.

Еще интересней следующая дневниковая запись: «МЕЧТА (термин – Вл. Соловьева – действенный) становится УПОРНОЙ в искании (неудачно сказано и удачно поправлено: *воскрешении*) *мертвого праха давней жизни*. Над ней уже ответно *загораются небеса*. Сквозь *суровость пути – райские сны в полнощном бдени* (*сны – тоже термин Вл. Соловьева, тоже действенный*). Эти *сны* райские, в отличие от других, которые объемлют *дух страстной мглой* (начинается борьба другая, борьба с *адам*, на которую тратятся не те *пошлые* силы, которые уходят на человеческую борьбу). На помощь призывается: 1) *всемогущая сила бога* и 2) “*умо-сердечное*” – Афина и Эрос ... то есть соединение сил духовных с телесными» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 346–347]. Здесь вновь звучит тема воскресения мертвых: воскресительная потенция обретается через соединение божественной мощи с «умо-сердечными» человеческими силами, победу над страстями и преодоление адских искушений. Блок легко соединяет античные мотивы с христианскими – совершенно в ренессансном духе.

В лирике раннего Блока прослеживаются также следы образа Царь-девицы. Образ этот пришел к Блоку из фольклора через творчество Полонского и Вл. Соловьева [Грякалова, 1991]. «Царь-девица – распространенный образ восточнославянского фольклора, героиня волшебных сказок. Царь-девица предстает в них как управительница Девичьего царства, хранительница эликсира молодости, молодильных яблоч, живой и мертвой воды. Она – дева-воительница, обладающая сверхъестественной силой, и в то же время мудрая дева невиданной красоты. А. Н. Афанасьев сближает сказочный образ Царь-девицы с языческой богиней Фреей, которая почиталась как покровительница любви, богиня юности и красоты. По его предположению, в Царь-девице народной сказки сочетаются представления о деве-Зоре и богине-громовнице. Царь-девица живет в стране вечного лета, в золотом дворце, охраняемая чудовищным змеем. Преодолев трудности на пути в Девичье царство и пройдя испытания, герой вступает в любовный союз с Царь-девицей и тем самым обретает магическую силу и высшее знание. Отныне власть Царь-девицы сломлена, ибо она сильна, покуда девственна» [там же, с. 54–55]. Образ Царь-девицы причудливо соединяет в себе все ипостаси Девы – Деву-воительницу, мудрую Деву, Деву-девственницу и Деву-блудницу. В сказках о Царь-девице отражены мотивы основного мифа о космогонической борьбе и космогоническом же союзе женского и мужского начал. Эта фольклорная героиня предстает прежде всего как устроющая космос жизнеспособность.

А вот народный культ Земли-Богородицы поэту чужд. Некоторые его отголоски просматриваются в стихотворении «Верю в Солнце Завета...»: «Жду вселенского света / От весенней земли» [Блок, 1971: т. 1, с. 133]. Однако когда Блок пытается создавать собственную мифологию, земля получает в ней *негативную* оценку, оказывается тесно связана с полом и фаллизмом.

Вообще мифология, для Блока, – попытка соединения неба с землей. Она трактуется «о земном небожительстве», тогда как религия уводит человека в иные (не-земные) миры [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 50]. Но земля тождественна Астарте [там же]. Она тяготеет к физиологическому соединению с мужским началом. «Присматриваясь к земной природе (в обширном смысле), всю ее разделим на основании одного проникающего ее начала: это – фаллистическое начало ПОЛА. Вместе с тем это начало удовлетворяет основному признаку в нашем определении мифологии – двойственности (пол женский и мужский)» [там же, с. 51]. И – примечание: «“Земля” без фаллизма желательна не более, чем животное без половых органов. В обоих случаях будет

аномалия. Лучше прямо взглянуть в глаза фаллизму, чем закрывать глаза на извращение» [там же]. И – вывод: «Таким образом, на наш вопрос о том, что такое “земное небожительство”, мы получили ответ: земное небожительство выражается в понятии пола: это и есть опрокинутое небо, небо исковерканное, обезображенное. Земля в образе вселенской проститутки хохочет над легковверным “язычеством” (восточным!), курящим ей фимиамы. Но та же земля бледнеет и прячет раскрашенное лицо перед надвигающимся (с Востока же!) Великим и “Несмугимым”» [там же]. Земля понимается здесь и как земной уровень космоса вообще и как божественное начало Земля-Астарта.

О. Клинг так комментирует эти рассуждения поэта: «Он мечтает о “[...] тайном сочетании здешнего и нездешнего, земного и небесного”, что запечатлевает по законам магического преобразования искусства в образе Вечной Женственности. Но в “земной природе” Блок видел “одно начало: это – фаллическое начало пола”. При этом он призывал в автокомментарии: “Лучше прямо взглянуть в глаза фаллизму, чем закрывать глаза на извращения”. Но здесь заложено и блоковское неверие в гармонию на земле. Блок полагает, что соединение земли и неба, как он его называет, “земное небожительство выражается в понятии пола: это и есть опрокинутое небо, небо исковерканное, обезображенное”. Блок видит “землю в образе вселенской проститутки” (дневник)» [Клинг, 2009: с. 450].

Интересно, что Блок в данном случае неосознанно вступает в конфликт с некоторыми ведущими архетипами русской ментальности. Во-первых, отвергается национальная мечта о сведении неба на землю. Во-вторых, верно схвачена связь «земного небожительства» с идеей фаллической, с идеей мужского андрогинизма (Человеко-фалла). Но эта связь понимается как надругательство над сводимым на землю небом.

Наконец, у Блока мы находим миф о некоем грехопадении Земли: «Земля обладала некогда Существом, близким к всепознанию. Она произвела его в те страстные часы, когда и боги не помышляют о плоде. Так Кронос породил Зевса – и Зевс свергнул его; Сатурн породил Юпитера – и Юпитер сверг его. Но, породив, Земля несказанно вздрогнула, ибо почуяла близкую гибель. И тогда она овевяла свое произведение неким дуновением бога греха. И такое подобие этого бога запечатлелось на лице Новорожденного, что – остальные собранные боги, взглянув на Него, впали в соблазн и сказали: “Твое дитя, Земля, еще юно, а уже возлежало с богом греха”. – И все боги отступили от него и отвернулись. Так обманула Земля богов.

А Юное Существо раскрылось в цвет странной и страшной пышности, ибо веяло от него несказанной святостью, но лик его отражал мировое зло. И так боролись в нем улыбка бога и улыбка дьявола. А Земля, вся в трепете, лелеяла детище, и тайне ждала победы от дьявола – и желала ее. И дьявол льнул к раскрывающемуся цветку, а обманутые боги не хотели смотреть на него» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 41].

Если в народной религии «Богородица – мать земля сырая», т. е. Земля рождает Христа, то у Блока Мать-Земля производит на свет кого-то сильно смахивающего на Антихриста, причем грешное и злое дитя должно погубить Землю.

Отказ от культа Земли есть переход от мифологии к религии, от земли к небу, от Матери к Невесте: «...Нет возможности миновать *порог* истины; этот порог и есть мифология. На нем кладутся последние поклоны, совершаются омовения; пилигримы осеняются крестным знаменем и оглядываются в последний раз: видят мутно-синий туман своей влажной матери. Но она уже не имеет над ними власти, ибо: “Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и будут два в плоть едину”. Перед нами Невеста – будущая Жена – дверь блаженства. Тайна сия велика есть. “И

дух (очищение лица) и Невеста (очищение вселенной) говорят: прииди”» [там же, с. 50]. Тут Вечная Женственность противопоставляется материнскому началу, олицетворяемому Землей. Мать-Земля закрепляет и оберегает старый порядок вещей. Вечная Женственность несет обновление всему космосу. Соединение человека с вечноженственным ведет к преобразению мира и преобразению плоти.

Мотив разрыва человека со страной-землей и ухода к Невесте звучит также в «Открытом письме к Мережковскому» (1910) в чисто космистском исполнении: «Родина – древнее, бесконечно древнее существо, большое, потому неповоротливое, и самому ему не счесть никогда своих сил, своих мышц, своих возможностей, так они рассеяны по матушке-земле. Родине суждено быть некогда покинутой, как матери, когда сын ее, человек, вырастет до звезд и найдет себе невесту. Эту обреченность на покинутость мы всегда видим в больших материнских глазах родины, всегда печальных, даже тогда, когда она отдыхает и тихо радуется. Не родина оставит человека, а человек родину. Мы еще дети и не знаем сроков, только читаем их по звездам; но, однако, читаем уже, что близко время, когда границы сотрутся и родиной станет вся земля, а потом и не одна земля, а бесконечная вселенная, только мало крыльев из полотна и стали, некогда крылья Духа понесут нас в объятия Вечности» [Блок, 1971: т. 5, с. 544–545]. Освоение физического космоса совпадает тут с торжеством Духа и переходом в Вечность.

Наконец, стихотворение «Не мани меня ты, воля...» (1905) демонстрирует разрыв между поэтом и Матерью-Землей:

Не мани меня ты, воля,
 Не зови в поля!
 Пировать нам вместе, что ли,
 Матушка-земля?
 Кудри ветром растрепала
 Ты издалека,
 Но меня благословляла
 Белая рука...
 Я крестом касался персти,
 Целовал твой прах,
 Нам не жить с тобою вместе
 В радостных полях!
 Лишь на миг в воздушном мире
 Оглянусь, взгляну,
 Как земля в зеленом пире
 Празднует весну, –
 И пойду путем-дорогой,
 Тягостным путем –
 Жить с моей душой убогой
 Нищим бедняком [там же, т. 2, с. 70].

То, что предрекалось в качестве грядущей доли всему человечеству, уже стало личной судьбой поэта: он уходит в просторы неба, от Матери к Невесте (как видим, в творчестве Блока противоречиво отразилась борьба архетипов Матери и Девы: поэт хочет участвовать в ней, но не в силах выбрать какую-то из сторон). Но он уходит один. Для человечества такой уход был бы радостным праздником. Для одиночки – оборачивается тягостным торжеством отчуждения...

Прекрасная Дама окружена тайной. Она – посланница какой-то неведомой силы (неведомого Бога гностиков?). При этом отношения между Вечной Женственностью и Тем, Кто послал ее в мир, вполне эротичны:

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть, Влюбленный
В Свое Создание, замкнул Вам уста.

Кто был Он – не знаю – никогда не узнаю,
Но к Нему моя ревность, и страх мой к Нему,
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю – я не знаю, Кому [там же, т. 1, с. 195].

Неведомое – сущность самой Прекрасной Дамы: «Нет Тебе имени, Неизреченная, / Ты – моя тайна, до времени скрытая <...>» [там же, с. 418]. Угадывание мистических имен Вечной Женственности – любимая забава символистов:

Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована –
Угадать Ее имена [там же, с. 204].

Итак, Прекрасная Дама – загадочный земной агент таинственного надмирного Божества. А каковы ее отношения с христианским Богом? Казалось бы, отождествление Вечной Женственности с Богородицей достаточно надежно вписывает ее в систему христианского (неортодоксального, конечно) мировоззрения. Но не тут-то было. В знаменитом письме Белому от 18 июня 1903 г. Блок прямо противопоставляет Вечную Женственность Христу.

«<...> Она – еще только *потенциально* воплощена в *народе* и *обществе*. <...> Она скорее может уже воплощаться в отдельном лице. <...> Я думаю, что приближается Она ко всем лишь в потенции, а к отд<ельной> личности уже в действительности. Вопрос, в какой мере (настроением, – дуновением, или “под оболочкой зримой”)? Я чувствую Ее как настроение, чаще всего. Думаю, что можно Ее увидеть, но *не* воплощенную в лице, и само лицо не может знать, присутствует Она в нем или нет. Только минутно (в порыве) можно увидеть как бы тень Ее в другом лице (и неодоушевленном). Это не исключает грезы о Ней как о Душе Мира, потому что мир для мистика (или находящегося в мистическом состоянии) *ближе*, чем народ, целое понятнее части, макрокосм (мир), как и микрокосм (личность) ближе, чем все посредствующие между ними звенья (общество – народ – земной шар!). Таким образом – общество (народ) в отнош<ении> к Ней не является мистически-заинтересованным (для моего сознания) и извергается. Здесь, именно, очередной вопрос об Ее отношенъе к Христу, ибо Христос не разделен с обществом (народом)» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 103].

Здесь Блок вступает в противоречие с Соловьевым. Для последнего София – Душа Мира и совокупная душа человечества. Эти два понятия фактически нераздельны. Роль народов как частей совокупной души человечества для мыслителя также важна. София и Христос не противопоставляются (София здесь – женский андрогин, Богородица и Христос – ее женское и мужское проявления, а Церковь – более полное

проявление в качестве женского андрогина): «Человечество, соединенное с Богом во Святой Деве, во Христе, в Церкви, есть реализация существенной Премудрости или абсолютной субстанции Бога, ее созданная форма, ее воплощение. Действительно, мы имеем здесь одну и ту же субстанциальную форму (обозначаемую Библией, как *семья жены*, т. е. *Софии*), обнаруживающуюся в трех последовательных и пребывающих проявлениях, реально различных, но по существу нераздельных, принимающую имя Марии в своем женском олицетворении, Иисуса в своем мужском олицетворении – и сохраняя свое собственное имя для своего полного и всемирного явления в совершенной Церкви будущего, Невесте и Жене Слова Божия» [Соловьев Вл., 1991: с. 364–365].

Для Блока важным является взаимоподобие макрокосма и микрокосма. Такое подобие и даже внутреннее сущностное тождество исключают необходимость каких-либо посредствующих звеньев между ними. Поскольку София – Душа Мира, она воплощается в космосе. Поскольку космос подобен личности, она может и даже должна воплотиться в отдельном человеке. Христу же остаются общество, народ, человечество. Блок в очередной раз отстраняется от Христа: «Я скажу, что я люблю Христа меньше, чем Ее и в “славословии, благодарении и прощении” всегда прибегну к Ней» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 103]. И в письме к Белому от 1 августа 1903 г.: «Еще (или уже, или никогда) *не чувствую* Христа. *Чувствую Ее*, Христа иногда только *понимаю*» [там же, с. 106].

В конце концов, Блок сумел дополнить космическое этническим. Но народу здесь все равно места не нашлось. Возникла триада самопроявлений Вечной Женственности: *макркосм – страна (воплощение этнического начала) – микрокосм*. При этом личное и сверхличное все время смешивалось. Блок легко мог воскликнуть: *О, Русь моя! Жена моя!*

Смешение космического с личным плохо воспринималось иными соловьевцами. Вот недоумения Белого:

«Мы прослеживали в стихах А. А. того времени, как тема его лирики отображает им любимую девушку и как она переплетается с другой темой, темой о Прекрасной Даме. Наконец, мы ощупывали пересечение этих тем в третьей теме и не могли понять, в какой мере нота Софии, Души Мира, соединена с обычной, чисто романтической темой любви. Например, в стихотворении А. А., полученном нами приблизительно в это время, я не смог понять, к кому, собственно, относятся ниже следующие строчки – к Л. Д. Менделеевой или к Деве – Заре – Купине:

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга...
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга...

С одной стороны, здесь “Ты” с большой буквы, – нужно полагать – небесное видение, с другой стороны – за небесным видением покрывало не носят (покрывало, боа, веер, не все ли равно). И серьезно мы обсуждали вопрос о том, как возможно сосуществование земной встречи с небесной встречей и в какой мере возможно сочетание земного и небесного» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 221].

Белый вроде бы и сам грешил подобными смешениями. И данный пассаж можно воспринять как иллюстрацию к мудрости о соринке в чужом глазу и бревне в своем собственном. Но нам кажется, что разница между Белым и Блоком здесь есть – и большая. Белый, как мы помним, сразу пытался превратить земную женщину в

символ и полностью перенести ее в виртуальное текстовое пространство, в котором заведомо все возможно. Блок же стремился символ вочеловечить (были, конечно, и у Белого такие попытки, но он быстро от них отказывался). И вот здесь Блок *действительно близок к Соловьёву*.

Поэт, причастный тайной силе Вечной Женственности, вступает в особые отношения с космосом. В дневниках Блок отмечает «необычайное слияние с природой» как результат начинающейся любви к Л. Д. [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 344]. «Вселенная во мне» декларирует он в стихах [Блок, 1971: т. 1, с. 90]. Космос присутствует во влюбленном поэте в недвижимой, непоколебимой гармонии своих онтологических основ и истоков: «Все бытие и сущее согласно / В великой, непрестанной тишине»; «Все бытие и сущее застыло / В великой, неизменной тишине» [там же]. История вселенной стала составной частью потока душевной жизни «провидца»: «Прошедшее, грядущее – во мне» [там же]. Поэт одновременно пребывает в своем Dasein и в точке Омега – в конце пространств и времен: «Я здесь в конце, исполненный прозренья, / Я перешел граничную черту» [там же, с. 91]. Но не только макрокосм входит в поэта, проникая до последних душевных глубин. Провидец и мистик, он и сам проникает в святая святых мирового бытия. Он купается в потоках вселенской жизни, участвует в ее дионисийских оргиях: «Звенит и буйствует природа, / Я – соучастник ей во всем!» [там же, с. 92]. Блок совокупляется с миром через поэзию, обращаясь в Человекофалл. Исследователи уже обращали внимание на вполне фрейдистскую двусмысленность такой вот самохарактеристики:

Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык? [там же].

Природа для поэта может быть неким текстом, содержащим пророчества о явлении Вечной Женственности. В начале своего романа с Л. Д. Блок ежедневно пытается читать этот текст: «Тут же получают смысл и высшее значение подробности незначительные с виду и явления природы (болотные огни, зубчатый лес, свечение гнилушек на деревенской улице ночью...)» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 344]. Блок ведет себя, словно герой романа Коэльо «Алхимик», узнавший, «что когда ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось» [Коэльо, 1997: с. 40]. Юноша Сантьяго идет к своей цели, выискивая всюду знаки и знамения, способные указать верную дорогу: «Ты найдешь туда путь по тем знакам, которыми Господь отмечает путь каждого в этом мире» [там же, с. 46].

Но в то же время природа словно бы намеренно пытается встать между поэтом и Прекрасной Дамой:

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести [Блок, 1971: т. 1, с. 97].

Тут мы обнаруживаем, что полноте слияния макрокосма с микрокосмом препятствует конфликт Прекрасной Дамы и ее адептов с посюсторонним миром. Прекрасная Дама не принадлежит нашему миру. Пребывание ее здесь – пусть добровольный, но плен. Поэтому гармония вселенной неожиданно предстает в произведениях Блока как род совершенного тюремного порядка (гностический мотив). Так, в стихотворении «Я понял смысл твоей печали...» говорится о страхе Прекрасной Дамы перед природным единством, ибо это единство – против нее, враждебно ей:

Ты опечалена природой –
Общеньем моря и светил,
И, без надежды на свободу,
Устрашена согласьем сил [там же, с. 363].

В дневнике Блок комментирует эти строки: «Тогда ж (в феврале 1901 г. – Авт.) *смысл ее печали* (печаль – она, видимо, не разделяет событий) ищется в *природе*: согласие сил (моря и отраженных в нем звезд) *страшит* ее и лишает *надежды на свободу*. В этой мысли, как я узнал впоследствии, оказалось родство с мыслью о плененной Мировой Душе (Святой Дух Оригена), которую лелеял последний – Вл. Соловьев...» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 347].

Если так обстоит дело с природой, с космосом, то с обществом, находящимся практически вне сферы влияния Вечной Женственности, еще сложнее. И реакция социума на явление Прекрасной Дамы просто должна быть активно враждебной:

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел – и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слышал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, –
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усильи,
Как будто поняв зловещий намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью [Блок, 1971: т. 1, с. 181].

Итак, перед нами вариации на тему гностического мифа о Мировой Душе, плененной материальным миром. Душа хочет вырваться из плена. Задача посвященных содействовать ее освобождению. Эти идеи звучат у Блока не раз. В дневниках: «Живая же оказывается Душою Мира (как определилось впоследствии), разлученной, плененной и тоскующей (стихи 11 февраля, особенно – 26 февраля, где указано ясно Ее *стремление* отсюда для *встречи* “с началом близким и чужим” (?)...» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 343]. В статье «Рыцарь-монах», посвященной Вл. Соловьеву: «Это – одно земное дело: дело освобождения пленной Царевны, Мировой Души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса и пребывающей в тайном союзе с “космическим умом”»; «Пожелаем друг другу, чтобы каждый из нас был верен древнему мифу о Персее и

Андромеде; все мы, насколько хватит сил, должны принять участие в освобождении плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей души. Наши души – причастны Мировой» [Блок, 1971: т. 5, с. 350, 352].

Неизбежен грядущий уход Прекрасной Дамы из мира. Он уже близок: «...И Она уже в дне, т. е. за ночью, из которой я на нее гляжу. То есть она предана какому-то стремлению и “на отлете”, мне же дано только смотреть и благословлять отлет...» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 343]. Мысль об уходе, *отлете* непрерывно повторяется в стихах: «Ты, в алом сумраке ликуя, / Ночную миновала тень»; «Ты уходишь от земной юдоли <...>» и «Я, в тоске, покину на границе / Твой нездешний, твой небесный след»; «Ты не ушла. Но, может быть, / В своем непостижимом строе / Могла исчерпать и избыть / Все мной любимое, земное...» [Блок, 1971: т. 1, с. 87, 111, 147].

В стихах выражена также и надежда на новую встречу в ином мире (или на пороге нового бытия):

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний крик [там же, с. 169].

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна [там же].

Предвкушая потустороннее свидание с возлюбленной, поэт тоже рвется прочь из нашего мира:

Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту [там же, с. 91].

Странная двойственность возникает в образе Прекрасной Дамы. Она – та, чей приход предуказан свыше и возведен многочисленными знаменами. Она должна выполнить некую миссию на земле. Но она же пленница, которую надо спасти и освободить. Она одновременно пребывает в нашем мире и за его пределами: «Я знаю: Ты здесь, Ты близко. / Тебя здесь нет. Ты – там» [там же, с. 172]. М. А. Бекетова обратила внимание на то, что временами Блок говорит едва ли не о двух разных существах: «Та, которая “явно явилась” ему во время весенних прогулок в городе, Она, – была существом неземным, высшим, чем-то вроде звезды, “в полночь глухую рожденная”, а “живая оказывается Душой Мира, разлученной, плененной и тоскующей”, которая стремится соединиться с высшим началом и в конце концов должна исчезнуть и улететь, оставив его одного на земле» [Бекетова, 1990: с. 546]. Очень показательным в этом плане стихотворение «Голос» [Блок, 1971: т. 1, с. 177]:

Жарки зимние туманы –
Свод небесный весь в крови.
Я иду в иные страны
Тайнодейственной любви.

Ты – во сне. Моих объятий
Не дарю тебе в ночи.
Я – царица звездных ратей,
Не тебе – мои лучи.

Ты обманут неизвестным:
 За священные мечты
 Невозможно бестелесным
 Открывать свои черты.

Углубись еще бесстрастной
 В сумрак духа своего:
 Ты поймешь, что я прекрасней
 Привиденья твоего.

Герой стихотворения пребывает во сне, в плену иллюзий. В этом сне его тревожит некое прекрасное привидение, которое он, вероятно, принимает за «царицу звездных ратей». Последняя же решительно отрицает всякую возможность своего действительного контакта с ним: («<...> Моих объятий / Не дарю тебе в ночи»; «Не тебе – мои лучи»; «Невозможно бестелесным / Открывать свои черты»). Здесь подлинность и реальность земного воплощения Вечной Женственности вообще ставится под сомнение.

Параллельно с сомнениями в подлинности теофании возникает мотив конфликта поэта с Прекрасной Дамой. У Блока (у читателя могут явиться сомнения по поводу смешения лирического героя с автором, но Блок *сам* весьма последовательно *настаивает* на таком смешении) возникает комплекс неполноценности, страх оказаться несостоятельным в роли служителя Вечной Женственности: «...Так как видимого участия той, которая была центром всех возникших событий, я продолжал не видеть, я стал думать, что ее стремления – выше моих и что я *заслоняю ей путь* [психологически: мешаю]: в ней – огонь *нездешних вожделений*, тогда как *моя речь – жалка и слаба*; она – *на рубеже безвестной встречи с началом близким и чужим*. Она уже *миновала ночную тень* и *ликует НАДО МНОЙ*; я же, с *неисцелимой душой* (психология – только “влюбленность”), *благословляю прошедшее и грядущее*» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 347].

Единение макрокосма и микрокосма, к которому стремится поэт, оказывается оборонительным союзом против Прекрасной Дамы: «В том же мае (1901 г. – *Авт.*) я впервые попробовал “внутреннюю броню” – оградить себя “тайным ведением” от Ее суровости (“Все бытие и сущее...”). Это, по-видимому, было преддверием будущего “колдовства”, также как необычайное слияние с природой» [там же, с. 344]. И далее: «Следует род заклинания. Прежнее отсутствие ответа заставляет надеть броню, что выражается в ощущении себя как микрокосма, в котором *вся вселенная, все прошедшее и грядущее и с избытком – все огни, какими горит она*; потому – *нет ни слабости, ни силы, ее участие или безучастие* не трогает, *провидцу* не нужно *сочувствия*. Я уже *перешел граничную черту* и *только жду условленного виденья, чтобы отлететь в иную пустоту* (которая также не страшна) [там же, с. 349]. Поэт домогается вселенской самодостаточности, хочет стать миром, который включал бы в себя и силу Женственности («все огни, какими горит она»). Тогда не надо будет искать милости Прекрасной Дамы (зачем мне *внешняя* женщина, если я обладаю *внутренней?*). Космичность достигается при помощи магии.

Колдовство Блока – ответ на черную ворожбу Прекрасной Дамы: «Ты – злая колдунья» [Блок, 1971: т. 1, с. 385]. Вообще любовь к Л. Д. – колдовская любовь (с магией всех цветов и оттенков):

Одинокый, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. – Меня не зови. –
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожкой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожкой полоненные дни
Я лелею года, – не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви? [там же, с. 93].

Волшебство поэта способствует установлению связей с *двойниками*. Тема двойничества у Блока присутствует постоянно. Но двойники представляют собой загадку. Д. Максимов пишет: «<...> Двойники возникали не только из глубины лирического я Блока или его лирического героя как реализация внутренних противоречий, но и “насылались” на него чужой жизнью, у позднего Блока – “страшным миром”, проникающим внутрь личности. Чаще всего то и другое совмещалось. Можно даже сказать, что в двойничестве у Блока путь “блоковского человека” как бы разветвлялся: рядом с магистральным путем основного героя, соответствующего основному лирическому я поэта, как бы намечались в потенции пути его двойников, то исчерпывавших себя в своем спорадическом выявлении, то тяготевших к развитию от образа к образу» [Максимов, 1981: с. 158]. Все это верно, но этим дело не исчерпывается.

Двойники фигурируют в дневниковых записях, но там отсутствуют какие-либо разъяснения относительно их природы. Вот, например: «К ноябрю началось явное мое колдовство, ибо я вызвал двойников (“Зарево белое...”, “Ты – другая, немая...”»); «После большого (для того времени) промежутка накопления сил (1 – 23 апреля) *на полях моей страны* появился какой-то *бледнолицый призрак* (двойники уже просятся на службу?), *сын бездонной глубины*, которого изгоняет *порой дочь блаженной стороны*» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 345, 348]. В данных отрывках двойники предстают как продукт магической деятельности поэта, возможно, призвавшего этих существей сознательно и намеренно, а, возможно, получившего их в качестве побочного эффекта теургической деятельности.

На следующую дневниковую запись следует обратить внимание особо. Мы ее уже цитировали по другому поводу и в несколько урезанном виде. Теперь мы вернемся к ней. Блок пишет о борьбе с адом и указывает силы, с помощью которых она ведется: «1) всемогущая сила бога и 2) “умо-сердечное” – Афина и Эрос (завершение мысли, возникшей в 1900 году, едва ли не предвестие той адской провокации с двойниками внутри, которая потом погубит), то есть соединение сил духовных с телесными» [там же, с. 347]. Мысль, выраженную здесь можно понять так: какая-то ошибка в порядке соединения духовного с телесным и приводит к рождению таинственных двойников.

Результаты указанной ошибки весьма плачевны. Блока одолевают мрачные пророчества о грядущем поражении: «Тут происходит какое-то краткое замешательство (“Навстречу вешнему...”). Тут же закаты брезжат видениями, исторгающими слезы, огонь и песню, но кто-то нашептывает, что я вернусь некогда на то же поле другим –

потухшим, измененным злыми законами времени, с песней наудачу (т. е. поэтом и человеком, а не провидцем и обладателем тайны)» [там же, с. 349].

В дневниковых записях Блок опирается на собственные стихи (прямые отсылки и цитаты без указания источника). Итак, сперва из бездны поднимается некий призрак. И *поля*, по которым он бродит, и *бездну*, которая его извергла, логичней всего локализовывать в психическом пространстве. Последнее следует понимать двояко – как пространство души поэта и как пространство виртуальной реальности, творимое этой самой душой.

Призрак рождает великую омраченность и великое отчуждение: «И поля во мгле великой / Чужды, хладны и темны» [Блок, 1971: т. 1, с. 89]. Вечная Женственность (вернее, ее душевная проекция – *анима* поэта) борется с мглою. Она пока еще достаточно сильна: «И в полях мелькает много / Чистых девственниц весны» [там же, с. 89].

Но душа уже ошибается, теряет силы:

Одна лишь песня недопета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремленьи запоздала,
В пареньи смутном замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла... [там же, с. 250].

Эти ошибки души и обуславливают грядущее поражение, подчинение законам времени:

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, былые стоны
Не услышишь – я потух.

Самый огонь – слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день – темнее ночи
Усыпленному душой [там же, с. 89].

А призрак крепнет. Его воздействие усиливает конфликт поэта с Прекрасной Дамой:

Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вот они – тихие, светлые, скорые –
Мчатся ко мне издали [там же, с. 114].

А двойник уже подменяет собой Прекрасную Даму. Возможно, ее черное чародейство на самом деле чародейство двойника (а может быть, двойники насылаются Дамой в ее темной ипостаси?): «Ты – другая, немая, безлика, / Притаилась, колдунья в тиши» [там же, с. 117]. Появляется и двойник поэта. Он хочет полностью подменить Блока в его отношениях с Прекрасной Дамой. Блок заявляет, что двойнику это не удалось:

И знал ли ты, что я восторжествую?
Исчезнешь ты, свершив, но не любя?
Что я мечту безумно-молодую
Найду в цветах кровавых без тебя?

Мне ни тебя, ни дел твоих не надо,
Ты мне смешон, ты жалок мне, старик!
Твой подвиг – мой, – и мне твоя награда:
Безумный смех и сумасшедший крик! [там же, с. 123].

Но, кажется, все предписанные подвиги совершил все же двойник, а поэт тщится присвоить себе лавры и пожать плоды. Похоже, к двойнику относится и стихотворение «Мы, два старца, бредем одинокие...». Здесь между двойником и поэтом царит единство:

Мы, два старца, в сумрак таинственный
Бредем, – а в окнах свет.
И дрожим мечтою единственной,
Искушенные мудростью бед [там же, с. 124].

Почему поэт и двойник представлены старцами? Во-первых, тут прячется эдипов комплекс. Старец – Отец, даже Всеотец. Поэт жаждет присвоить себе этот статус, чтобы овладеть Вечной Женственностью в ипостаси Всематери. Во-вторых, «согласно Юнгу, старый человек, в частности, если он наделен особой силой или престижем, является символом “mana” личности, т. е. духовности и жизненной силы индивида, которая возникает, когда сознание переполнено ясностью, пониманием и ассимилировало содержание, всплывшее из глубин подсознания» [Керлот, 1994: с. 493]. В данном случае старец – обособившаяся часть блоковского Я, наделенная магической силой и способностью к проникновению в мистические тайны.

Но возможен и иной вариант. В стихотворении «Двойник» (30 июля 1903) поэт юн, а двойник его – стар:

В смертном весельи – мы два Арлекина –
Юный и старый – сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый – он тупо глумится над вами,
Юный – он нежно вам преданный брат! [Блок, 1971: т. 1, с. 200].

Здесь старик – ипостась Блока, покорившаяся «злым законам времени». Он – *тень* (в юнговском смысле). Он – персонификация *негативной* карнавальности (тогда как сам поэт пытается удержаться в рамках карнавала позитивного). Негативная карнавальность торжествует. Тень побеждает дневное, светлое Я. Время влечет поэта к естественному финалу – к гибели. Злобный крик юного Арлекина – «Мне скучно! Мне душно!» – слишком напоминает вопль гоголевского мертвеца.

В стихотворении «Я живу в глубоком покое...» [там же, т. 2, с. 32–33] двойник, именуемый *Другим*, *Темнолицым*, уже совершенно отчетливо обретает демонические черты. С. А. Небольсин отмечает: «На “тайном” языке символистов “Другой” было обозначением “Антихриста” <...>» [там же, с. 320]. Здесь мы снова сталкиваемся с человеко-дьяволо-божескими мотивами. Блок предстает микрокосмом,

вещающим Христа и Антихриста: *Я* поэта – Христос, *тень* – Антихрист. И вновь с двойником связан мотив подчинения времени:

Раздавив похоронные звуки
 Равномерно-жутких часов,
 Он поднимет тяжкие руки,
 Что висят, как петли веков [там же, с. 32].

Весьма любопытно стихотворение «Мы странствовали с Ним по городам»:

Мы странствовали с Ним по городам.
 Из окон люди сонные смотрели.
 Я шел вперед; а позади – Он Сам,
 Всепроникающий и близкий к цели.

Боялся я моих невольных сил,
 Он направлял мой шаг замороженный.
 Порой прохожий близко проходил
 И тайно вздрагивал, смущенный...

Нас видели по черным городам,
 И, сонные, доверчиво смотрели:
 Я шел вперед; но позади – Он Сам,
 Подобный мне. Но – близкий к цели [там же, с. 136].

Трудно сказать, кого именно символизирует здесь «Он Сам», но совершенно ясно, что это тоже двойник Блока («подобный мне»), причем двойник непростой. Именно он руководит поэтом, направляет его «шаг замороженный», являясь источником его «невольных сил», сил, внушающих страх. Поэт и двойник движутся к некой цели (пространственное движение здесь явно совпадает с духовным), однако приближается к ней почему-то лишь двойник. Вероятно, это связано с некими мистическими свойствами двойника («всепроникающий»), которых поэт лишен. В итоге складывается впечатление, что тут скорее Блок выступает в роли двойника (куклы, марионетки) «Его Самого».

И, наконец, в стихотворении «Двойник» (октябрь 1909) двойник персонифицирует плотские страсти поэта и его злую долю (Горе-Злосчастье), обусловленную этими страстями:

Вдруг вижу – из ночи туманной,
 Шатаясь, подходит ко мне
 Стареющий юноша (странно,
 Не снился ли мне он во сне?),
 Выходит из ночи туманной
 И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
 Промозглым туманом дышать,
 В чужих зеркалах отражаться
 И женщин чужих целовать...» [там же, т. 3, с. 8–9].

Кроме того, с противостоянием двойников здесь, судя по всему, связано вполне куртуазное противопоставление истинной («О, миг непроданных лобзаний! /

О, ласки некупленных дев! [там же, с. 8]») и ложной («И женщин чужих целовать...» [там же, с. 9]) любви.

В докладе «О современном состоянии русского символизма» тема двойников получает теоретическое обоснование. Символист – теург, творец волшебных миров, в которых должна воплотиться Вечная Женственность. Сперва миры пронизаны *лучезарным взором и безмятежной улыбкой Лучезарной Подруги*. Взор становится золотым мечом. Меч опять-таки пронзает миры, делается их осью, освещает их своим сиянием, пронизывает магической силой. Он также *пронзает сердце теурга* [там же, т. 5, с. 328]. Теург, прободенный чудесным мечом, обретает способность видеть Лик Женственности, слышать ее голос, вести с ней диалог. Меч, как известно, символ фаллический. Удар мечом, ранение мечом – аналог полового акта. Иначе говоря, теург уподобляется женщине и таким способом приобщается к вечноженственному (зато Женственность тут андрогинна: ведь это она пронзает миры и теурга взором-мечом). Миры на этом этапе окрашены в пурпурно-лиловый цвет.

Вечная Женственность алчет воплощения. Ее контакт с теургом делается все более и более телесным: «Тогда, уже ясно предчувствуя изменение облика, как бы ощущая прикосновение чьих-то бесчисленных рук к своим плечам в лилово-пурпурном сумраке, который начинает просачиваться в золото (взаимопроникновение плоти миров и энергии золотого меча. – *Авт.*), предвидя приближение каких-то огромных похорон, – теург отвечает на призывы <...>» [там же, с. 329]. Отелеснивание Лучезарной Подруги таит в себе угрозу вторжения смерти в волшебные миры (*приближение каких-то огромных похорон*).

Тут-то и вмешиваются силы тьмы: «Как бы ревнуя одинокого теурга к Заревой ясности, некто внезапно пересекает золотую нить зацветающих чудес; лезвие лучезарного меча меркнет и перестает чувствоваться в сердце (утрачивается интимная связь теурга и Вечной Женственности. – *Авт.*). Миры, которые были пронизаны его золотым светом, теряют пурпурный оттенок; как сквозь прорванную плотину, врывается сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение всех этих цветов – у Врубеля) при раздрающем аккомпанементе скрипок и напевов, подобных цыганским песням. Если бы я писал картину, я бы изобразил переживания этого момента так: в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз» [там же].

Именно в момент натиска лилового сумрака и появляются двойники: «Переживающий все это – уже не один; он полон многих демонов (иначе называемых “двойниками”), из которых его злая творческая воля создает по произволу постоянно меняющиеся группы заговорщиков. В каждый момент он скрывает, при помощи таких заговоров, какую-нибудь часть души от себя самого. Благодаря этой сети обманов – тем более ловких, чем волшебнее окружающий лиловый сумрак, – он умеет сделать своим орудием каждого из демонов, связать контрактом каждого из двойников; все они рыщут в лиловых мирах и, покорные его воле, добывают ему лучшие драгоценности – все, чего он ни пожелает: один – принесет тучку, другой – вздох моря, третий – аметист, четвертый – священного скарабея, крылатый глаз. Все это бросает господин их в горнило своего *художественного творчества* и, наконец, при помощи заклинаний, добывает искомое – себе самому на диво и на потеху; искомое – красавица кукла» [там же, с. 330].

Зарождение двойников – утрата теургом целостности и самотождественности (почти или даже уже в полной мере шизофрения). Но какова же роль этих демо-

нов? Они осуществляют связь теурга с волшебными (прежде всего демоническими) мирами в условиях, когда он и Вечная Женственность уже не нанизаны более на одну вселенскую ось (золотой меч). А когда Лучезарная Подруга уходит совсем, двойники помогают сотворить суррогатный заменитель Прекрасной Дамы – куклу.

При поддержке двойников теург становится самопровозглашенным богом волшебных миров, самозванцем на троне. Самозванчество творца подчиняет миры негативному карнавалу: «Итак, свершилось: мой собственный волшебный мир стал ареной моих личных действий, моим “анатомическим театром”, или *балаганом*, где сам я играю роль наряду с моими изумительными куклами (ессе homo!)» [там же, с. 330]. Отныне теург – Карабас-Барабас лиловых сумерек.

Волшебные миры вполне реальны: «<...> Здесь утверждается положительно, что все миры, которые мы посещали, и все события, в них происходившие, вовсе не суть “наши представления” <...>» [там же, с. 331–332]. Но первоначально «существует раскол между этим миром и “мирами иными”; дружные силы идут на борьбу за эти “иные”, еще неизвестные миры» [там же, с. 327]. В дальнейшем волшебные миры перемешиваются, перепутываются с нашим миром, потому что теург, провозгласив себя богом-кукловодом, снимает последние барьеры между лиловым сумраком и собственным Я: «Золотой меч погас, лиловые миры хлынули мне в сердце. Океан – мое сердце, все в нем равно волшебно: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством (тенденция, проходящая очень ярко через все европейское *декадентство*)» [там же, с. 330].

Теург низвергается в адские бездны, ибо «искусство есть *Ад*» [там же, с. 333]. Он обречен: «Но именно в черном воздухе Ада находится художник, прозревающий иные миры. И когда гаснет золотой меч, протянутый прямо в сердце ему чьей-то Незримой Рукой – сквозь все многоцветные небеса и глухие воздуха миров иных, – тогда происходит смешение миров, и в глухую полночь искусства художник сходит с ума и гибнет» [там же, с. 335]. Путь к спасению только один – «искание утраченного золотого меча, который вновь пронзит хаос, организует и усмирит бушующие лиловые миры» [там же, с. 331].

Идея смешения миров (здешнего и волшебных) с душой художника-теурга влечет за собой неожиданные исторические выводы: «Так, например, в период этих исканий оценивается по существу русская революция, то есть она перестает восприниматься как полуреальность, и все ее исторические, экономические и т. п. частичные причины получают свою высшую санкцию; в противовес суждению вульгарной критики о том, будто “нас захватила революция”, мы противопоставляем обратное суждение: революция совершалась не только в этом, но и иных мирах; она и была одним из проявлений помрачения золота и торжества лилового сумрака, то есть тех событий, свидетелями которых мы были в наших собственных душах. Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. Как перед народной душой встал ею же созданный синий призрак, так встал он и перед нами. И сама Россия в лучах этой новой (вовсе не некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности оказалась нашей собственной душой» [там же, с. 332]. А поскольку Россия – одна из ипостасей Вечной Женственности, получается, что утрата контакта между Женственностью и теургом (теургами) разрушительна не только для последнего (последних), но и для первой.

Торжествующие лиловые миры имеют собственную Душу, собственную Женственность (женское олицетворение). Душа лиловых миров – творение безумного теурга и его двойников: «Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло наконец то, что я (лично) называю “Незнакомкой”»: красавица кукла, синий призрак, земное чудо. <...> Незнакомка. Это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это – дьявольский слыв из многих миров, преимущественно синего и лилового. Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона; но всякий делает то, что ему назначено» [там же, с. 330–331].

Служитель Вечной Женственности должен обладать силой оживлять мертвое и неживое. Лже-бог получает способность творить не-мертвое и не-живое: «Созданное таким способом – заклинательной волей художника и помощью многих мелких демонов, которые у всякого художника находятся в услужении, – не имеет ни начала, ни конца; оно не живое, не мертвое» [там же, с. 331]. Так же и жизнь, ставшая искусством, вовсе и не жизнь уже, но и еще и не смерть – нечто межеумочное. Поэтому и двойников можно окончательно определить как духов Сумеречной Зоны, лежащей между жизнью и смертью. Еще точнее: двойники суть проекции расщепленного Я теурга на Сумеречную Зону. Сложнее с Женственностью. С одной стороны, в условиях всеобщего хаоса, распада и тотальной шизофрении ее земная аватара тоже активно саморасщепляется и проецируется (двойники Л. Д.). С другой, теург сам создает какие-то вечноженственные клоны. Где – что, где – кто, разобраться очень трудно. Впрочем, судя по всему, и сам Блок был весьма далек от ясности в данном вопросе.

Блок, как было показано, любит порассуждать о происках сил зла. Однако с различением добра и зла у него возникают проблемы. Он, например, заявляет: «...В небывалых прежде блаженных муках начинается новое, еще неведомое, но лишь смутно пока чувствуемое. Это все – дело Вечного Бога. Мы еще только смотрим, содрогаясь, и смутно ждем конца. Кто родится – бог или дьявол, – все равно; в новорожденном заложена вся глубина грядущих испытаний; ибо нет разницы – бороться с дьяволом или с богом, – они равны и подобны; как источник обоих – одно Простое Единство, так следствие обоих – высшие пределы Добра и Зла – плюс ли, минус ли – одна и та же Бесконечность» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 28]. И далее: «Все восходит к одной вершине, и на ней-то уж не можем мы, дети земли, различить наших здешних противоположностей» [там же, с. 29]. Последняя фраза не относится специально к добру и злу, но недвусмысленно выражает стремление к недuality, утверждает относительность всех земных противоположностей.

Что же касается отношения к добру и злу самой Вечной Женственности, то такое рассматривается Блоком в нескольких аспектах. *Во-первых*, поэт пытается поставить Вечную Женственность *по ту сторону добра и зла*. В письме к Белому от 18 июня 1903 г. Блок пишет: «Приидите ко мне *все* труждающиеся – есть знак *доброты* Христа (не один этический момент). Христос всегда *добрый*, у Нее же это *не* существенно, ибо “Свет Немеркнувший Новой богини” есть не добрый и не злой, а более» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 103]. И еще: «<...> *Добр Христос, но не Она*, потому что Она – Окончательна. Совесть же в отношении к Ней явилась бы мерилом Добра. *Она*, если Добра, то лишь в эстетических воплощениях (у поэтов) <...>» [там же, с. 105].

Во-вторых, Блок пытается рассуждать о *сочетании в Душе мира двух начал – Лучезарной Подруги и Астарты*. Тон этим рассуждениям задает Белый: «<...> Музыка еще искусство, поскольку она вне добра и зла как женское начало само по себе –

“начало двумыслия”. “*Душа Мира есть существо двойственное*” (Вл. Сол<овьев>). Воплощая Христа, Она – София, Лучистая Дева; не воплощая Христа – Лунная Дева, Астарта, Огнезарная Блудница, Вавилон. Встреча с господом необходим<a> путем искания Лучезарной Подруги, которая в момент встречи явит господа. В этом смысле Она – “*Дева Радужных Ворот*”. Встреча со Зверем – в астартизме» [там же, с. 99]. Получается, что Женственность вне соприкосновения с мужским началом добру и злу не причастна. Доброй или злой ее делает соприкосновение с Христом или Зверем. Поэтому борьба Астарты с Лучезарной Подругой – это конфликт двух стремлений, влечений к двум различным воплощениям Вечной Мужественности.

Блок вроде бы соглашается: «В Тебе таятся в ожиданьи / Великий свет и злая тьма <...>» [Блок, 1971: т. 1, с. 143]. В стихотворении «Мы истомились в безмерности...» явления Лучезарной Подруги и Астарты перепутаны, перемешаны: «Дева! Астарта! Невнятное!» [там же, с. 399]. Двойственность Вечной Женственности констатируется и в стихотворении «Днем вершу я дела суеты...»: «Как ты лжива и как ты бела! / Мне же по сердцу белая ложь...» [там же, с. 141].

В то же время Блок настаивает на необходимости отличать Астарту от Лучезарной Девы и продлевает развернутое сопоставление обоих:

«Соблазны: Астарта незабвеннее Ее в жизни; Астарта действительно, “переплетается” вокруг Нее. <...> Астарта выражена всего более в двух конечных пунктах человеческого бытия <...> в утонченной половой чувственности и в утонченной головной диалектике (блуд тела + блуд ума. – *Авт.*) <...>

<...> Она изгоняет ту и другую чувственность (фригидна умственно и физически. – *Авт.*). Астарта “подвижна”, так что одно претворяет (из вышеуказ<анного>) в другое в один миг.

Она – *Неподвижна*. Это – один из главных Ее признаков (если хотите, – символом уже, – может служить разноцветность Астарты и синтезирующая одноцветность Ее). Главным “утешением”, однако, является, я думаю, *не* диалектическое развитие различия Ее и Астарты, а интуитивное знание о том, сколь различны их дуновения. (Но тут вводятся существенные оговорки. – *Авт.*) Это – при мистическом состоянии. Но вопрос столь краеуголен, что необходимо ввести скептицизм. Сначала, переходя к “мистическому скептицизму”, можно уловить слияние Ее и Астарты в одно. При полном скептицизме (без мистици<зма>) остается “незабвенной” одна Астарта, потерявшая свое древнее имя, и вместе – религиозные краски (Астарта без имени и красок – уже совершенно не Астарта. Знает ли Блок, что она такое? – *Авт.*).

<...> Она *единственна* в своих явлениях, ничего общего ни с чем не имеет, ощущение Ее *странно* и в высшие моменты *вполне отлично* от Астарты. Здесь выступает Ее *Неподвижность*» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 104–105].

Блок также рассуждает о том, что «действительный (небесный), а не лживый (мифологический) свет может воссиять только из тьмы» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 51]. Мысль его вертится вокруг стихотворения Соловьева «Мы сошлись с тобой недаром...» [там же, с. 46–47, 51, 470, прим. 117]. У Соловьева розы Вечной Женственности прорастают из подземного мрака через черную глыбу земли к небу. Блок чертит сансарический круг: *жизнь – страдание – черная глыба – земля* и снова *жизнь – страдание – черная глыба – земля* [там же, с. 46], утверждая, что выйти из сансары можно лишь очистившись через страдание [там же, с. 51]. Тогда и зажжется свет Лучезарной Подруги. Но ведь и Лучезарная Подруга – из тьмы.

«Тьма – безначальный хаос “оформленный”. Свет – безначальный хаос “очищенный”» [там же, с. 47]. Переход тьмы в свет совершается в глубинных основаниях мироздания. И, может быть, безымянная и утратившая разноцветье Астарта есть женственная тьма, онтологически предшествующая Прекрасной Даме?

Получается любопытная гносеологическая схема. Романтический мистицизм вращается в кругу противоположностей. Обостренная интуиция дает ему возможность четко различать Астарту и Лучезарную Подругу. Мистицизм, соединенный со здоровым скепсисом, ставит под сомнение реальность существования противоположностей и приходит к постижению их сущностного единства. Голый скептицизм отвергает веру в Лучезарную Подругу и погружает познающего во тьму – к Изначальной Астарте, которая уже не Астарта.

В-третьих, свет Вечной Женственности помрачается во тьме материального мира. Мысль об этом постоянно повторяется у Блока в разных вариантах. Прежде всего, констатируется сам факт того, что материальный мир есть тьма: «<...> я крещусь мысленно и призываю ту великую Женственную тень, которая прошла передо мной “с величием царицы” – и воплотилась в звенящей бездне темного мира» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 25]. Затем говорится об облечении света в сумрак: «Я с Тобой, золотая жена, / Облеченная в сумрак земли» [Блок, 1971: т. 1, с. 259].

Кстати, важно и то, что воплощается, собственно, не Вечная Женственность как таковая, но лишь *тьма* ее. И этой слабой тени достаточно легко подпасть под власть тьмы. Так и выходит: «И ты безоблачно светла, / Но лишь в бессмертьи, – не в юдоли» [там же, с. 109].

В-четвертых, зло, тьма – результат провокации двойников. Они подменяют собой Прекрасную Даму и творят черные дела, прикрывшись ее обликом – опять же: «Ты – другая, немая, безлика, / Притаилась, колдуешь в тиши» [там же, с. 117].

Все перечисленные подходы не противоречат друг другу, а скорее друг друга предполагают. Логика тут внутренне близка к индуистской: единая Шакти предстает в мире майи как Кали и Парвати, но противопоставление добра и зла иллюзорно и снимается на более высоком уровне понимания. Единая Вечная Женственность тоже оборачивается то Астартой, то Лучезарной Подругой. Эти ипостаси женского начала проявляют тенденции к взаимопереходу. В земных условиях различия между ними стираются еще и за счет помрачения света Лучезарной Подруги и негативного влияния демонических двойников на Прекрасную Даму.

Однако подобный ход рассуждений мало приемлем для русской ментальности. Для последней характерно жесткое противопоставление Добра и Зла, идея их упрямо бескомпромиссной борьбы. Иной подход к проблеме выглядит дьявольским искушением. Вот, к примеру, Г. И. Чулков в своих воспоминаниях о Блоке пишет: «И все так думают, что в стихах о Прекрасной Даме поэт выразил свое заветное и светлое. И я так думал, не переоценивая того внутреннего опыта, который понудил Блока славить Таинственную Возлюбленную. Теперь – признаюсь – у меня возникают большие сомнения об источнике этих очарований. Эти сомнения – кажется – бывали во мне и раньше, но лишь в последние годы я убедился, что есть такая “тайная прелесть”, которая ужаснее иногда “явного безобразия”» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 345]. Что в первую очередь отталкивает Г. И. Чулкова? «Великий свет и злая тьма» в Прекрасной Даме [там же, с. 346].

Мы только что обвинили русскую ментальность в неприятии идеи относительно-сти добра и зла. Последнее не совсем точно. Нужно было бы сказать: *не вся* русская ментальность не приемлет этого, но только лишь *христианский и христианизирован-*

ный пласты ее. Г. И. Чулков оценивает Блока в рамках христианской стратегии мышления. Но у самого поэта на поверхность прорываются какие-то иные пласты ментальности. И в них действует стратегия мышления, близкая к *восточным* (индийской, китайской).

При этом взгляды Блока отнюдь не свободны от воздействия христианства. Поэтому в сознании поэта происходит сшибка двух стратегий мышления. Блок знает, что добро и зло, свет и тьма должны быть абсолютными. Но Прекрасная Дама (даже не живая Л. Д., а сам образ, символ, *женственная тень*) не подчиняется этому должностованию, не хочет и не может быть *только* благой и *только* светлой.

Для того чтобы проиллюстрировать ситуацию, мы позволим себе отойти чуть-чуть от Блока и показать сшибку восточной и христианской парадигм в рамках современного постмодернистского текста, авторы которого могут позволить себе роскошь венаходимости:

«– <...> В мой кабинет приходили двое... похожи на демонов: крылья, рога, копыта... но, по-моему, не местные. Один представился Лю Ци Фэном, а другой – кажется, Сатанандой. Из Индии, что ли? Так вот, эти пришельцы имели дерзость заявить, что являются Владыками Преисподней!

– Очень интересно! – поднял брови Яньло. – И что же вы им ответили?

– Разумеется, я сообщил, что они заблуждаются и Владыка Преисподней – сительный князь Янь-ван, у которого как раз сегодня День Рождения! Но они упорствовали, утверждая, что Преисподней владеют именно они, поскольку являются воплощениями Абсолютного Зла!

– Абсолютное Зло? – еще более удивился Яньло. – А разве такое бывает?

– Вот высокоуважаемый судья Бао и объяснил им, что нет! – не выдержал Маленький Архат. – Он долго убеждал незваных гостей, что как внутри женского начала инь всегда присутствует зародыш мужского ян, и наоборот, так и Зло с Добром просто не могут быть Абсолютными! И в конце посоветовал этим двоим поискать в себе ростки добра; они, мол, ростки эти непременно отыщутся!

Мальчишке почему-то было весело, но ни судья, ни Яньло никак не могли понять – почему?

– В общем, эти господа почесали в затылках и ушли, пообещав поискать в себе что-нибудь доброе! Но заявили: дескать, если не найдем – вернемся! – закончил Маленький Архат.

– Ну и пусть их! – махнул рукой Янь-ван. – Шляются невесть кто! Скоро Преисподняя превратится в проходной двор!» [Олди, 1997: с. 374–375].

В рамках постмодернизма выбор парадигмы предельно облегчен. Собственно, здесь можно (и даже нужно!) не делать вовсе никакого выбора, заставляя противоречащие друг другу идеи складываться в причудливые узоры, будто в калейдоскопе. Блок такой свободой еще не обладал. Он не обладал даже условиями, в которых возможен конструктивный выбор. Перед современными постмодернистскими авторами стоят готовые ментальные конструкции. Они уже отрефлектированы в иных текстах, снабжены соответствующими бирками и комментариями и т. д. и т. п. Поэтому очень легко сказать, к примеру: «Заверните мне, пожалуйста, вон ту парадигмочку – восточненькую!» Но Блок блуждал в лесу архетипов, покорялся бессознательным импульсам, полагался на интуицию. И в упор не видел готовых, законченных, оформленных парадигм. Нет, он, конечно, изучал философию, но скорее чувствовал ее поэтически и мистически, чем понимал рационально.

Постмодернистские авторы уже читали Линь-цзи и могут вполне адекватно воспроизводить его рекомендации: «Изучающие Путь! Нет святого Будды и грешного демона Мары! Бейте их обоих, и Будду, и Мару – если вы будете любить священное и ненавидеть обыденное, то вам придется вечно барахтаться в океане смертей-и-рождений!» [там же, с. 435–436]. Блок Линь-цзи не читал. Он переживал открытие в Вечной Женственности тандема Астарты и Лучезарной Подруги как собственный грех, собственную ошибку. Пытаясь сделать выбор в пользу света, он постоянно попадал в ловушку типа *только не думай об обезьяне*: хотел изгнать Астарту, отвернуться от нее, но вместо этого всматривался в нее все внимательней и пристальней. В результате *темный аспект Вечной Женственности захватывал его сильнее и сильнее*.

Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство: калокагатийный идеал лучше всего связывается с ориентацией на космос. В истории он приживается плохо. Непрестанное движение (пусть даже и «прогрессивное») всегда разрушительно. И особенно для ценностей и идеалов. Зато прекрасный и благой порядок может оставаться таковым долго, очень долго. Так вот, у Блока мистерия Вечной Женственности разыгрывается не в *космосе*, а в *истории*. Квинтэссенция исторического подхода к Прекрасной Даме содержится в письме к Любви Дмитриевне, написанном в феврале 1908 г.:

«Мое знание очень углубляется. Мое знание о тебе – с особенной силой. В прежних столетиях я вспоминаю тебя. Но твое происхождение теряется в каких-то глухих тропах времен – приблизительно, на тех дорожках, где случайный народ ставил на горных подъемах для случайных путников – изображения богов, и они были для путешественников алтарями и вехами. Глубже мои исторические воспоминания не идут, и медлят здесь в нерешительности, т. к. – следующие предки твои непосредственно касаются астральных областей. И там твои пути уже совершенно скрещиваются с другими – и других цветов и сущностей, – но там такая сложность, что я еще не могу сделать выводов, хотя имею много подозрений о линиях, цветах и направлениях» [Блок, 1978: с. 222].

Анализируя это письмо и стихотворение «Вечереющий сумрак, поверь...», Л. К. Долгополов утверждает: «<...> Сказанное Блоком не есть фольклорный метемпсихоз, о котором пишут исследователи. Дело здесь обстоит сложнее. Ведь речь идет об одном и том же существе, только находящемся в разных условиях и выполняющем различные функции. Остается прежним и духовное наполнение личности, меняются лишь условия бытования – причем каждый раз исторического. А это уже скорей перевоплощение с сохранением нетронутым духовного состава. Условно говоря, это как бы один и тот же человек, но только в разные периоды бытия, как исторического, так и праисторического, ибо человек, как считал вслед за Белым Блок, не впервые появляется в этом мире. Человек ведь не только воплощенный быт, он еще и концентрация неких “духовных знаний”, разлитой в мире и неуничтожимой ни при каких обстоятельствах эманации» [Долгополов, 1988: с. 114].

Описанная Л. К. Долгополовым концепция, вероятно, родственна архетипическому мотиву народной культуры, отслезенному М. Б. Плюхановой. Речь идет о так называемой *неокончателной смерти*. Лицо, наделенное, с точки зрения народа, сакральными функциями, могло существовать на протяжении столетий, появляясь под разными именами и в разных исторических ролях. В перерывах между жизнями оно умирало, скрывалось, засыпало на время, чтобы вновь явиться, когда подойдет

назначенный высшими силами срок. «Гностицизм или учение о метампсихозе, не имел никакого отношения к уходам и возвращениям русских народных вождей с эсхатологическими функциями. Так как никто из участников эсхатологической мистерии не умирал окончательной смертью, то и не было надобности в идее передачи или перемещения функций от одного лица к другому. Одновременное сосуществование нескольких лиц с одинаковой эсхатологической ролью или слишком большой промежуток между уходом и возвращением одного и того же лица не могли смутить носителей фольклорно-эсхатологического сознания, поскольку такое сознание оставалось безразличным к возможностям обозревать сразу большие временные и пространственные перспективы, анализировать исторические опыты» [Плюханова, 1982: с. 196].

При всех различиях народной и интеллигентской ментальностей в данном случае их связывают общие архетипические смыслы. Прекрасная Дама, несомненно, лицо, наделенное эсхатологическими функциями. Она воплощает имманентное истории эсхатологическое начало. Поэтому ее постоянное присутствие в земном мире на протяжении многих исторических и праисторических эпох оказывается необходимым. Пробуждению народных архетипических смыслов в сознании поэта не препятствуют ни гностическая основа учения о Вечной Женственности, ни способность Блока «обозревать большие временные и пространственные перспективы» и «анализировать исторические опыты».

В «прекраснодамской» мистике истории открываются два аспекта. Первый нами уже назван: Менделеева-Блок некогда спускается из астрала на землю, а затем движется через многие эпохи к Серебряному веку (временной аспект). Возможно, речь идет о земных существованиях, сменяемых периодическими уходами в астрал: «Она сошла на землю не впервые...» [Блок, 1971: т. 1, с. 92]. Воплощение Прекрасной Дамы устойчиво воспринимается как падение звезды: «Кто знает, где это было? Куда упала Звезда?» [там же, с. 146]. Блока постоянно преследуют видения предшествующих воплощений:

Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла <...> [там же, с. 121].

Это не только видения. Это – еще и воспоминания: «В этой выси живу я, поверь, / Смутной памятью сумрачных лет <...>»; «Я помню ступени трона / И первый твой строгий суд» [там же, с. 121, 146]. Воспоминания возможны, поскольку сам Блок идет через столетия рядом с Л. Д.:

Сплетались времена, сплетались страны.
Мы из Венеции на север шли,
Мы видели дождливые туманы.
Оторвались, – и к Лидо подошли.

Но берег пуст, и даль оделась в сети
И долгого и тонкого дождя.
Мы подождем. Мы будем только дети,
В живой игре на север уходя.

Так началось времен изображение.
Игра веков! О, как ты дорога!
Бесчисленные развернулись звенья,
Летели брызги, искры, жемчуга.

Но кто прошел? кто заглянул в туманы?
Игру, мечту – кто видел издали?..
Сплетались времена, сплетались страны,
Мы, не свершив, на север отошли [там же, с. 395–396].

Движение времен осуществляется как *вечное возвращение* [о теме вечного вращения в творчестве Блока см. Исупов, 1991: с. 7–13; Максимов, 1981: с. 83–93, 117–120]. Пространственно-временные континуумы прошлого, настоящего и будущего непрерывно повторяются и отражаются друг в друге («Сплетались времена, сплетались страны»). Здесь Блок вновь сродни Белому: «Известно, что в основе историософских взглядов Белого лежала идея повторяемости важнейших явлений и форм существования – как в истории людей, так и в “природной” жизни вообще. Ничто не исчезает бесследно, история есть система повторений, система “возвратов”. Она есть память – и человека, и человечества в целом, истоки которой таятся в глубинах подсознания. Поэтому, входя в мир уже в сознательном возрасте, человек внезапно “узнает” явления и предметы, никогда им ранее не виденные... Мир никогда не новость для человека, он некогда был уже в нем в прошлом» [Долгополов, 1988: с. 146].

Второй аспект – пространственный: при каждом новом появлении на земле высшая сущность отбрасывает множество теней-отражений в мир: «Ты, в сумрак отойдя, Сама не можешь счесть / Разбросанных лучей Твоих Преображений» [Блок, 1971: т. 1, с. 424]. Вероятно, существует какая-то иерархия отражений. Предположим, есть полные аватары Вечной Женственности и частичные. Точнее, полная – только одна. Но кто она в данный момент времени, – тайна: «Думаю, что можно Ее увидеть, но не воплощенную в лице, и само лицо не может знать, присутствует Она в нем или нет. Только минутно (в порыве) можно увидеть как бы Тень Ее в другом лице (и неодушевленном)» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 103]. Примечание в скобках очень важно. Из него следует, что Вечная Женственность может воплотиться не только в *людях*, но в *вещах и явлениях*, а это затрудняет поиски.

А вот еще свидетельство Андрея Белого: «Прекрасная Дама, по А. А. меняет свое земное отображение, – и встает вопрос, подобный тому, – как Папа является живым продолжением апостола Петра, так может оказаться, что среди женщин, в которых зеркально отражается новая богиня Соловьева, может оказаться Единственная, Одна, которая и будет естественно тем, чем Папа является для правоверных католиков. Если Папа есть наместник Христов Второго Завета, то Она может оказаться среди нас как естественное отображение Софии, как Папа своего рода (или “мама”) Третьего Завета» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 219–220].

Облик «Мамы» можно и не угадать. Прекрасная Дама изменчива. В знамениях и видениях она может посулить одно воплощение, но предстать совсем в другом:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – *тоскуя и любя*.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельныя мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты [Блок, 1971: т. 1, с. 93].

К тому же адепт Прекрасной Дамы поражен магической слепотой:

Я кую мой меч у порога.
Я опять бесконечно люблю.
Преодо мною вьется дорога.
Кто пройдет – того я убью.

Только ты не пройди, мой Глашатай.
Ты вчера промелькнул на горе.
Я боюсь не Тебя, а заката.
Я – слепец на вечерней заре.

Будь Ты ангел – Тебя не узнаю
И смертельной сталью убью:
Я сегодня наверное чаю
Воскресения мертвых в раю [там же, с. 435].

А тут еще и двойники запутывают дело. В стихотворении «Будет день – и свершится великое...» мотив перемены облика связан именно с двойником Л. Д.: «Но, во что обратишься – не ведаю, / И не знаешь ты, буду ли твой, / А уж Там веселятся победою / Над единой и страшной душой» [там же, с. 117].

Воплощения Вечной Женственности, явления высших сущностей из иных миров происходят тогда, когда нарушается нормальная последовательность времен, когда эпохи сталкиваются, накладываются друг на друга: «Когда родное сталкивается в веках, всегда происходит мистическое. Так Пушкин столкнулся с Петром. Когда он заводит о Петре – сейчас звучит тайное. Так и истинно христианствующие, когда встречаются с Христом – Достоевский в учениях старца Зосимы (и все Карамазовы!). “Здесь тайна есть”, ибо истинно родное сошло в веках и, как тучи сошедшиеся, произвело молнию. Есть миры иные» [Блок, 1965: с. 21–22]. Так же и адепт Вечной Женственности: он провидит прошлые воплощения Прекрасной Дамы и тем провоцирует сегодняшнее. Вообще знающие, приобщенные к тайнам, истинные мисты не должны сидеть сложа руки и ждать, когда же вновь упадет Звезда. Они обязаны работать, готовить условия для очередной теофании:

Еще не время ставить терем,
Еще красавица не здесь,
Но мы устроим и измерим
Весной пылающую весь.

В зеленом сумраке готова,
Как зданья нового скелет,
Неколебимая основа
Вчерашних незабытых лет.

На переходах легких лестниц
Горят огни, текут труды.
Здесь только ждут последних вестниц
О восхождении звезды [Блок, 1971: т. 1, с. 426].

Вплотившись, Прекрасная Дама может вызвать у адептов плотские страсти. Но страсти эти пагубны. Столь же губительна страсть Прекрасной Дамы к адепту. В стихотворении «Сижу за ширмой. У меня ...» («Испуганный») отображен конфликт Блока с Л. Д. после свадьбы.

«Существует определенное свидетельство Блока о том, что героем стихотворения “Испуганный” является он сам и что стихотворение рассказывает о его отношениях с женой. Это опубликованный Орловым рисунок Блока, который показывает сидящего за ширмой человечка со скрещенными ногами, с завитой косой и в одежде 18 века; утрированную женскую фигуру со свечой, под которой написано “Меня давно развлечься просят” (в этой фигуре сам Орлов видел шарж на Л. Д. Блок); и рядом с ней господина в котелке, под которым написано “Здесь кто-то есть”. Этот любовный треугольник скоро осуществится в реальной жизни Блоков.

Рисунок передает его психологическую подоплеку: добровольный отказ Блока от плотских отношений с женой несмотря на ее желание и во имя неких потусторонних соображений. В письме к Белому Блок еще сильнее подчеркивал телесную метаморфозу и с большей определенностью связывал ее со своей женитьбой: “Войдите к такому испугавшемуся. Он сидит за ширмой, весь почерневший, у него скрещены ручки и ножки. Они так высохли, и из лица, некогда прекрасного, стало “личико”, сморщенное, маленькое. И голова ушла в плечи”. Далее идет поток ассоциаций, после которого без логической связи следует: “Так я женился”. <...> Так еще раз подтверждается, что стихотворение было написано в качестве реплики в диалоге с женой (“Меня давно развлечься просят”)...» [Эткинд, 1998: с. 340–341].

Метаморфоза, происшедшая с героем стихотворения, – превращение в старика-ребенка (не желает Блок быть мужчиной, пропускает-проскакивает эту стадию развития). Стихи пронизаны стремлением вернуться в материнское лоно. Любовь к женщине подменяется младенческим нарциссизмом: «<...> Я влюблен / В мою морщинистую кожу...» [Блок, 1971: т. 1, с. 204]. Но учитывая весьма навязчивый мотив старости, можно утверждать, что материнский комплекс здесь совершенно отчетливо выступает как влечение к смерти (последнее и вообще характерно для материнского комплекса, но не всегда так недвусмысленно выражено). Иначе говоря, адепт Прекрасной Дамы отпевает в этом стихотворении сам себя. Но он уже похоронил в душе и саму Прекрасную Даму. Поэтому «Стихи о Прекрасной Даме» завершаются такими вот строками:

Вот он – ряд гробовых ступеней.
И меж нас – никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное – бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи – твой отдых никто не прервет.
Мы – окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог [там же, с. 224].

М. А. Бекетова замечает: «Быть может, он хоронил мечту о “душе Мира”...» [Бекетова, 1990: с. 551].

Итак, мы вновь вернулись к браку адепта с Прекрасной Дамой. Супружество убило мечту. Перемены в отношениях прослеживаются по письмам: исчезает *Ты* с заглавной буквы, безличное *Твой* сменяется подписью *Твой Саши*. С одной стороны, эти перемены знаменуют попытку перехода к более земным, человеческим отношениям. Та же М. А. Бекетова пишет: «...Любовь Дмитриевна была теперь не Душа Мира, плененная, разлученная и т. д., не холодная богиня, не звезда, которая серебрилась вдали, а бесконечно любящая и милая Люба, с которой можно и подурачиться, и побегать, и подразнить ее...» [там же]. Отчасти это правда. И слово *милая* очень часто встречается в дневниках поэта: «...Нахожу *письмо от милой* – усталое. <...> Милая, скорее приезжай. Господь с тобой» [Блок, 1960–1963: т. 7, с. 196]. Но есть и другая сторона дела – непоправимость утраты: «Ночное чувство непоправимости всего подползает и днем. Все отвернутся и плюнут, – и пусть – у меня была молодость. Смерти я боюсь и жизни боюсь, милее всего прошедшее, святое место души – Люба. Она помогает – не знаю чем, может быть, тем, что отняла? – Э, да бог с ними, с записями и реестрами тоски жизни» [Блок, 1965: с. 160].

Блок мечтает о возвращении Прекрасной Дамы:

«Возвращается все, все. И, конечно, – первое – тьма. Сегодняшний день (и вчерашний) – весь с короткими дождями, растрепанными белыми гигантами в синеве, с беспорядком в листьях, со свинцом, наползающим к вечеру на кресты елей – музыкален в высшей степени.

Будет еще много. Но Ты – вернись, вернись, вернись – в конце назначенных нам испытаний. Мы будем Тебе молиться среди положенного нам будущего страха и страсти. Опять я буду ждать – всегда раб Твой, изменивший Тебе, но опять, опять – возвращающийся.

Оставь мне острое воспоминание, как сейчас. Острую тревогу мою не усыпляй. Мучений моих не прерывай. Дай мне увидеть зарю Твою. Возвратись» [там же, с. 154].

Дама не возвращается, и у Блока возникает желание самому стать воплощением Вечной Женственности: «Кто-то мне говорит, что я очень легко могу стать Купиной. Нет причины не верить. Преследуемый Аполлоном, я превращусь в осенний куст золотой, одетый сеткой дождя на лесной поляне. Ветер повеет, и колючие мои руки

запляшут свободно» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 183]. А. Эткинд комментирует: «В юношеском письме Блок сам мечтал стать Купиной, женским образом Божества, и ставил эту метафору в связь со своей враждой к Аполлону. <...> Меньше всего, однако, эта мечта была игрой; шли десятилетия, но она продолжала диктовать Блоку главные его образы» [Эткинд, 1998: с. 377].

Символика цитированного фрагмента весьма многозначна. Бегство от Аполлона и превращение в куст, вероятно, намек на миф о Дафне. Намек этот можно понять как стремление к эротическому слиянию с Божеством и страх перед таким соединением с высшей силой. Можно увидеть здесь и представление о дионисийстве (в ницшеанском смысле), хаотичности, хтоничности женского начала, о том, что означенное начало предано тьме и противостоит свету (солнцебогу). Купина, правда, горит, но в данном контексте речь должна идти о хтоническом пламени. Можно заподозрить и попытку принятия культа Земли (ведь Дафна обращается за помощью к Гее).

Любопытна, кстати, реакция Белого (письмо адресовано ему): «Ты пишешь, что готовишься к будущему – стать *купиной*. Я года умираю, истекаю кровью, подвергаюсь оскорблениям, непониманию, грубым подменам, *ища средств пути*. Ты спокойно *знаешь*, что нужно для того, чтобы стать “*купиной*”. Ради бога, научи, выскажись. Пока же Ты не раскроешь скобок, мне все будет казаться, что Ты или бесцельно кощунствуешь, называя себя Купиной (а такие кощунства *не прощаются* – *знай*), или говоришь “*только так*”. Но тогда это будет, так сказать, кейфование за чашкой чая... А я ведь всегда, с прочтения первого Твоего стихотворения, полагал, что Ты работаешь во имя долга перед “*Прекрасной Дамой*”» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 184–185]. Белого возмущает отнюдь не идея, что кто-то вообще *может* преобразиться в Купину. Вроде как и сам бы не прочь, но не выходит. Его аргументы – аргументы Сальери: я положил столько труда, *ища путей* к Преображению, все мои усилия были тщетны, а другой, ничем меня не лучше, взял да и прознал – как.

Особенно возмущает Белого, что этот другой – именно Блок: «Насколько я Тебя понимаю, Ты много надеешься на преобразование личности, но есть ли преобразование без ясно<го> сознания *средств* (реализации пути), поставленных целей? Ты так и полагаешь, говоря, что надеешься стать “Купиной”. Но купина – символ богоматери. Итак, Ты надеешься стать символом богоматери – Ты, студент императорского С.-Петербургского Университета, сотрудник “Вопросов Жизни”? Тут или я идиот, или – Ты играешь мистикой, а играть с собой она не позволяет никому» [там же, с. 184].

Блок пытается оправдываться: «<...> “Приготовление души к будущему”, “за-слонка души” и даже Купина (под которой я разумел, как вспоминаю, вовсе не символ богоматери, а обыкновеннейший терновый куст, который растет себе среди поля и горит) – *все это* – речи идиотски бессвязные, понахватанные черт их знает откуда» [там же, с. 187]. Отговорки и оговорки только усложняют дело. Блок отказывается признавать себя мистиком, льстит Белому, величая его «Провидцем, знающим пути», однако в искренность его как-то не слишком верится.

Блок вообще склонен подчеркивать, что плоды его творчества приходят к нему сами из каких-то неведомых источников. Тот же Белый свидетельствует: «А. А., отойдя от этого своего периода очень далеко, не далее как во второй половине 1920 года, сделал одному дружественному к нему лицу необыкновенно важное признание: он признался, что “Стихи о Прекрасной Даме” не принадлежат лично ему, что он считает многое в этих стихах открывшимся ему непосредственно и что он лишь

проводник какой-то духовной интуиции, потом ему закрытой, что он не понимает, как многие могут понимать его стихи, что истинное ядро их не может быть понято» [Александр Блок в воспоминаниях современников, 1980: т. 1, с. 246]. В. Орлов, правда, подозревает Белого в искажении истинных слов Блока [там же, с. 524, прим. 54], но неоднократно цитировавшие нами дневниковые записи 1918 г. (автокомментарий к «Стихам о Прекрасной Даме») недвусмысленно свидетельствуют, что собственные стихи воспринимались поэтом чуть ли не как протокол мистического опыта.

Конечно же, Блок считает себя мистиком. Но он очень инфантилен в глубине души. Поэтому, когда на него нападают, избирает детскую систему защиты: мои «речи идиотски бессвязные, понахватанные черт их знает откуда», а сам «я не мистик, а всегда был хулиганом» [Александр Блок, Андрей Белый, 1990: с. 187]. В действительности же «понахватанные черт знает откуда» и непонятное самому поэту для него вполне мистично. Формулы типа «кто-то мне говорит», «некто внезапно пересекает золотую нить» и т. п. у Блока обозначают вмешательство потусторонних сил.

Другая отговорка еще загадочней. Что такое «обыкновеннейший терновый куст, который растет себе посреди поля и горит»? Обычные кусты не растут, горя. Или Блок чего-то не договаривает, или тут подразумевается тот самый ветхозаветный куст, из которого Яхве говорил с Моисеем. Он ведь тоже был обыкновеннейшим растением, пока не коснулся его Ангел Господень. Если это так, то Блок просто (опять же совершенно по-детски) наводит тень на плетень.

Однако возможно еще и иное толкование. Не исключено, что Блок сознательно отрешивается от *христианской* символики. В конце концов, Купина – символ *ветхозаветный*. Противопоставлял же Розанов Ветхий Завет Новому. Чем Блок хуже? Про Аполлона и говорить нечего – античный языческий бог, а также ницшеанский символ. Блок в это время как раз ищет новых путей, что отмечает и Белый: «Все та же неуловимая прелесть, все тоньше и тоньше знакомая прелесть Твоей музы вплетается в новые темы, за которые Ты взялся: олицетворение стихийных сил русской природы ждет своего выразителя: этим выразителем, думается мне, являешься Ты. Как совместится Твой призыв к “Прекрасной Даме” с этими новыми для Тебя темами, как совместится “долг” рыцаря с “просто” бытием хотя бы сил дaimонических, как совместится долг творчества жизни (теургизм) с параличом долга жизни (шаманизмом) – я не знаю» [там же, с. 183–184]. Поэтому противопоставление «Аполлон – Купина» может быть попыткой осмыслить взаимоотношение вселенских мужского и женского начал, принципиально *иначе*, чем оно осмыслялось в рамках *христианского* и *парахристианского* (*христианизированного*) пластов русской культуры. Женское начало, с которым хочет отождествиться Блок, – чисто *природное* начало, природная стихия. Ее олицетворение – «обыкновеннейший терновый куст» (к чему тут ветхозаветный символ? – возможно, Блок здесь вполне по-розановски трактует ветхозаветную религию как религию природы). Мужское (Аполлон) – *сверхприродное* упорядочивающее начало: закон, принцип, космос в собственном смысле слова. Похоже, Б. И. Соловьев был недалек от истины, когда писал о блоковской «купине»: «В этом вдохновенном лирическом образе словно бы воплотился дух русской природы <...>» [Соловьев Б., 1980: с. 162].

Прекрасная Дама, как мы помним, выражает себя в *истории*. Потерпев фиаско в личных отношениях с воплощением Лучезарной Подруги, Блок *пытается отступить в космос*. При этом отождествление поэта с Вечной Женственностью является разрешением конфликта женского и мужского начал, их космогоническим воссоеди-

нением вполне в духе основного мифа. Более того, здесь открывается путь к устранению разделения Мужественности и Женственности, к восстановлению космического Первичного Андрогина.

Итак, в «прекраснодамский» период Блок воздвигает впечатляющее философски-мистически-мифологическое здание эротософии. Плод его трудов ни в коем случае нельзя назвать системой. Если продолжить развитие архитектурной метафоры, то перед нами сложнейший лабиринт, все переходы которого неизвестны самому архитектору. Эта эротософия на самом деле не так уж тесно связана с соловьевской, как может показаться на первый взгляд. Дальнейшее развитие блоковской философии любви и пола, пожалуй, лишь уменьшает количество точек схождения с учением Соловьева. Но об этом самом дальнейшем развитии мы поведем речь в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев Н. В.* Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. – Новосибирск: Наука, 1983. – 125 с.
- Александр Блок, Андрей Белый:* Диалог поэтов о России и революции / сост., вступ. ст., коммент. М. Ф. Пьяных. – М.: Высш. шк., 1990. – 687 с.
- Александр Блок в воспоминаниях современников:* в 2 т. – М.: Худ. лит., 1980.
- Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. – М.: Правда, 1990. – 672 с.
- Блок А.* Записные книжки. – М.: Худ. лит., 1965. – 663 с.
- Блок А.* Письма к жене. – М.: Наука, 1978. – 414 с. – (Литературное наследство, т. 89).
- Блок А.* Собрание сочинений в восьми томах. – М. – Л.: ГИХЛ, 1960–1963.
- Блок А.* Собрание сочинений в шести томах. – М.: Правда, 1971.
- Горюнков С. В.* Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин. – СПб.: Алетейя, 2010. – 232 с.
- Грякалова Н. Ю.* К генезису образности ранней лирики Блока (Я. Полонский и Вл. Соловьев) // Александр Блок. Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1991. – С. 49–63.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – СПб.–М.: Товарищество М. О. Вольфа, 1903–1909.
- Долгополов Л. К.* Александр Блок: личность и творчество. – Л.: Наука, 1980. – 224 с.
- Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман «Петербург». – Л.: Сов. писатель, 1988. – 416 с.
- Элишина Т. А.* Об особой роли Вл. Соловьева в идейно-художественном диалоге А. Блока и В. Розанова // Соловьевские исследования. – Выпуск 2(26), 2010. – С. 22–29.
- Исупов К. Г.* Историзм Блока и символистская мифология истории (введение в проблему) // Александр Блок. Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1991. – С. 3–21.
- Керлот Х. Э.* Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
- Клинг О.* Мифологема «Ewige Weiblichkeit» (Вечная Женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. – М.: РГГУ, 2009. – С. 438–452.
- Козьмо П.* Алхимик. – М.: Тройка, 1997. – 208 с.
- Кузнецов В. Г.* Русский путь // Кузнецов В. Г., Нерушева Л. Г. Вселенная Россия: истины и мнимости. – Винница: ЧП Усатюк, 2000. – С. 7–197.
- Максимов Д. Е.* Поэзия и проза Александра Блока. – Л.: Сов. писатель, 1981. – 552 с.
- Максимов Д. Е.* Русские поэты начала века. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 408 с.
- Олди Г. Л.* Мессия очищает диск. – М.: ЭКСМО, 1997. – 480 с.
- Плюханова М. Б.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 184–200.
- Русская философия:* Энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – 736 с.

Соловьев Б. И. Поэт и его подвиг. – М.: Сов. писатель, 1980. – 784 с.

Соловьев В. С. Россия и Вселенская церковь. – М.: ТПО «Фабула», 1991. – 448 с.

Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 201–235.

Флоровский Г. Пути русского богословия. – К.: Путь к истине, 1991. – 600 с.

Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.

Стаття одержана редакцією 22.05.2012

Vsevolod Kuznetsov, Lubov Nerusheva

Solovyov's Followers: A. Blok – the Knight of the Stranger.

Article 1. The Creation of a Beautiful Lady

This work continues the series of articles devoted to erotosophia of the Silver Age. It deals with the formation of Blok's philosophy of Love and gender. The authors raise the issue of relations between Blok's erotosophia and the V. Solovyov's philosophy of Eternal Feminineness. The problem in question is whether Blok can be considered to be Solovyov's disciple or not. The article treats the representation of the poet's point of view about Eternal Feminineness and his peculiar views on religion and mysticism. The authors analyse in details Blok's texts devoted to Beautiful Lady and the history of relationship between him and Liubov Dmitrievna Mendeleeva-Blok, known as so called "Earthly Embodiment of the Universal Source of Feminineness".

Vsevolod Kuznetsov, Senior lecturer at the Department of Philosophy in Vinnytsia National Technical University.

Lubov Nerusheva, Lecturer at the Department of History of Philosophy, Kotsiubynskij State Teachers' training University of Vinnytsia.

Всеволод Кузнецов, старший викладач кафедри філософії Вінницького національного технічного університету.

Любов Нерушева, викладач кафедри філософії Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського.

Всеволод Кузнецов, старший преподаватель кафедры философии Винницкого национального технического университета.

Любовь Нерушева, преподаватель кафедры философии Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского.
